

А.Ф. СТЕДМАН

СКАНДАР

ПОХИТИТЕЛЬ
ЕДИНОРОГОВ

Скандар

А. Ф. Седман

Скандар. Похититель единорогов

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Стедман А. Ф.

Скандар. Похититель единорогов / А. Ф. Стедман — «Эксмо»,
2022 — (Скандар)

ISBN 978-5-04-191567-4

Твоя. Магия. Запретна. Эти слова Скандар услышал в свой первый день школы на магическом Острове. Но он же здесь, чтобы пробудить предназначенного ему единорога и стать искусным наездником! Почему день, о котором он мечтал всю жизнь, вдруг превратился в кошмар? Остров вот-вот отвернётся от Скандара. Все думают, что мальчик связан с неуловимым Ткачом, похитителем единорогов! И они правы... Но всё не так просто. Раскроет ли Скандар правду о своей магии? Покажет ли Острову, кто он на самом деле?

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-191567-4

© Стедман А. Ф., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Похититель	8
Глава вторая. Запертые снаружи	15
Глава третья. Инкубаторский экзамен	21
Глава четвёртая. Зеркальные утёсы	30
Глава пятая. Туннель живых	37
Глава шестая. Удача негодяя	43
Глава седьмая. Элемент смерти	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

А. Ф. Стедман
Скандар. Похититель единорогов

*Джозефу,
самоотверженность, любовь и безграничная доброта которого
наделили этих единорогов крыльями*

A. F. Steadman
Skandar and the Unicorn Thief
Text copyright © De Ore Leonis 2022
Published by arrangement with Simon & Schuster UK Ltd 1st Floor, 222 Gray's Inn Road,
London, WC1X 8HB
A Paramount Company

© Дёмина А.В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Прежде чем увидеть единорогов, оператор их услышал.

Пронзительный визг, кровожадное рычание.

Прежде чем увидеть единорогов, оператор их почувял.

Тошнотворное дыхание, разлагающаяся плоть, вонь вечной смерти.

Прежде чем увидеть единорогов, оператор также их почувствовал.

Топот гниющих копыт отдавался глубоко в костях, и его начала накрывать паника, пока каждый нерв, каждая клеточка не слились в хоровом призыве уносить ноги. Но он не поддался – так ему велел профессиональный долг.

Оператор смотрел, как единороги появляются из-за вершины холма.

Их было восемь. Злобные людоедские создания пронеслись галопом по лугу и, расправив копявые крылья, взлетели.

Подобно глазу теневой бури, они воспарили высоко в небо в вихре чёрного дыма, оставляя после себя шлейф из громовых раскатов и выжженных пятен на земле от ударов молний.

Восемь чудовищ проревели боевой клич, рассекая воздух призрачными рогами.

Ответом им стали испуганные крики, кто-то из жителей деревни бросился бежать.

Но было уже слишком поздно.

Оператор стоял на площади, когда приземлился первый единорог.

Чудовище фыркнуло, осыпав искрами из раздувающихся ноздрей, и стукнуло по земле копытом, каждым своим шумным выдохом обещая хаос и разрушения.

Оператор продолжал снимать, несмотря на дрожь в руках. Так ему велел профессиональный долг.

Единорог наклонил огромную голову, нацелив острый, как кинжал, рог точно в объектив. Его налитые кровью глаза встретились с операторскими, и тот не увидел в них ничего, кроме смерти.

У этой деревни не было ни единого шанса. Как и у него.

Но он с самого начала знал, что не переживёт нашествия табуна диких единорогов. Он лишь надеялся, что запись уцелеет и её увидят на Британских островах.

Потому что встреча с диким единорогом равнозначна смерти.

Мужчина опустил камеру, благодаря про себя Бога, что ему удалось выполнить свой профессиональный долг.

Потому что единороги не были персонажами сказок – они были порождениями кошмаров.

Глава первая. Похититель

Скандар Смит смотрел на плакат с единорогом, висящий на противоположной стене. Снаружи было уже достаточно светло, чтобы разглядеть его расправленные в полёте крылья, сверкающие серебристые доспехи, оставляющие открытыми только дикие красные глаза, мощную челюсть и острый серый рог. Мороз Новой Эры был любимым единорогом Скандара с тех пор, как его наездница Аспен Макграт три года назад впервые попала на Кубок Хаоса. И Скандар верил, что сегодня – в гонке этого года – у них неплохие шансы победить.

Этот плакат он получил на тринадцатый день рождения, три месяца назад, а раньше засматривался на него в окне книжного магазина, воображая себя наездником Мороза, стоящим за рамкой в ожидании гонки. Скандару было ужасно неловко просить папу купить ему плакат. Сколько он себя помнил, у их семьи всегда проблемы с деньгами, и он редко о чём-то просил, но ему так хотелось иметь этот плакат, что...

В кухне громынуло. В любой другой день Скандар бы в ужасе вскочил, решив, что в квартиру кто-то забрался. За завтрак обычно отвечали они с сестрой Кенной, спящей сейчас на кровати напротив. Не потому, что папа ленился, – просто он с трудом находил в себе силы встать с кровати, особенно когда ему не надо было идти на работу. А её у него уже какое-то время не было.

Но сегодня был необычный день. Сегодня была гонка. А для папы Кубок Хаоса важнее дней рождения, даже важнее Рождества.

– Ты долго ещё будешь пялиться на свой дурацкий плакат? – проворчала Кенна.

– Папа готовит завтрак, – не ответив на вопрос, сообщил Скандар в надежде, что это развеселит сестру.

– Не хочу есть. – Она отвернулась к стене, натянув одеяло по самую коричневую макушку. – И Аспен с Морозом ни за что не победят.

– Тебе же это вроде не интересно?

– Да, но... – Кенна снова перевернулась на другой бок и посмотрела на Скандара, щурясь от утреннего света. – Ты бы хоть изучил статистику, Скар. По числу взмахов крыльев в минуту Мороз в середине списка из двадцати пяти участников. Не говоря уж о том, что их основной элемент – вода.

– А что с ней не так?

Про себя Скандар обрадовался, хотя Кенна и не сомневалась в проигрыше Аспен и Мороза: сестра так долго не заговаривала о единорогах, что он уже почти забыл, как сильно любил эти их беседы. В детстве они постоянно спорили, кто какую стихию выберет, когда станут наездниками единорогов. Кенна настаивала, что будет огненным магом, но Скандар никак не мог определиться.

– Забыл инкубаторские уроки? Аспен и Мороз Новой Эры относятся к стихии воды, так? А среди фаворитов двое воздушных магов: Эма Темплтон и Том Назари. Мы оба знаем, что у воздуха преимущество перед водой! – заявила Кенна, заметно оживившись. Её худое бледное лицо, окаймлённое ореолом спутанных волос, светилось восторгом, карие глаза возбуждённо блестели. Сестра на год старше Скандара, но они так похожи, что их часто принимают за близнецов.

– Вот увидишь, – с вызовом улыбнулся Скандар, – Аспен учтёт ошибки прошлых Кубков. Она слишком умна, чтобы использовать только воду. В прошлом году она сочетала разные элементы. Будь я наездником Мороза, я бы сосредоточился на атаках молниями и водоворотами...

С лица Кенны схлынула вся радость, глаза потухли, уголки губ опустились. Она снова отвернулась к стене и натянула одеяло на плечи.

– Кенн, прости, я не хотел...

Из щели под дверью потянуло беконом и подгоревшим тостом, и в воцарившейся тишине живот у Скандара заурчал особенно громко.

– Кенна?

– Отстань, Скар.

– Ты не пойдёшь со мной и с папой смотреть Кубок?

Молчание. Скандар оделся в утреннем полумраке, без особого успеха пытаясь сглотнуть вставший в горле комок разочарования и чувства вины. Не стоило говорить «будь я наездником», но он так увлёкся спором, совсем как раньше, до Кенниного инкубаторского экзамена и краха всех её надежд.

На кухне его встретили шипение поджаривающихся яиц и включённый на полную громкость репортаж о предстоящем Кубке. Папа что-то мычал себе под нос, следя за сковородкой. Заметив сына, он просиял широченной улыбкой. Скандар уже и не помнил, когда в последний раз видел его улыбающимся.

Папин градус счастья слегка понизился.

– Кенна ещё не встала?

– Спит пока, – солгал Скандар, не желая портить ему настроение.

– В этом году ей наверняка будет непросто. Первая гонка с тех пор, как... – Он не договорил, но Скандар его понял. Сегодня первый Кубок Хаоса с тех пор, как Кенна в прошлом году провалила инкубаторский экзамен и лишилась шанса стать наездницей единорога.

Проблема была в том, что папа упорно игнорировал тот факт, что инкубаторский экзамен мало кто сдавал. Он был без ума от единорогов и одержим идеей, чтобы кто-то из его детей стал наездником: это решило бы все их проблемы – и деньги сразу же найдутся, и о будущем не надо будет беспокоиться, и счастье придёт само собой, и дни, когда он с трудом поднимался с постели, навсегда останутся позади. Не зря же единороги – магические создания, верно?

Всю жизнь он всегда твердил Кенне, что она сдаст экзамен и отправится на Остров, где перед ней откроется дверь Инкубатора. Что там её будет ждать яйцо предназначенного ей единорога. Что мама будет так ею гордиться. Вдобавок Кенна всегда была лучшей во всей средней школе Кристчёрч на инкубаторских уроках. Если кто-то и уедет на Остров, говорили её учителя, то это будет Кенна Смит.

А потом она провалилась.

И теперь уже Скандар на протяжении многих месяцев слышал от папы, что вполне возможно, да нет – совершенно точно он станет наездником. И хотя Скандар понимал, что это маловероятно, и собственными глазами видел, как разочарование прошлого года сломило Кенну, – больше всего на свете ему хотелось, чтобы это оказалось правдой.

– Ну, в этом году твоя очередь, да? – Папа вздохнул ему волосы жирной от масла рукой. – А теперь послушай, как правильно жарить хлеб... – Он пустился в объяснения, и Скандар кивал в нужных местах, делая вид, что слышит их впервые. Кто-то мог посчитать это родительским занудством, но Скандар был искренне рад, когда папа поставил ему «отлично» за идеальную поджаристую корочку.

Кенна на завтрак не вышла, но папа не выглядел особо огорчённым, пока они уминали сосиски, бекон, глазунью, тушёную фасоль и жареный хлеб. Скандар едва не спросил, где тот взял деньги на всё это угощение, но вовремя прикусил язык. Сегодня же гонка. Папа, как и сам Скандар, явно не хотел ни о чём таком думать. Хотя бы не сегодня. Вместо этого он молча схватил только что открытую упаковку майонеза и щедро выдал его поверх всего на своей тарелке, довольно улыбнувшись хлюпанью.

– Ты всё ещё болеешь за Аспен Макграт и Мороза Новой Эры? – спросил он с полным ртом. – Забыл сказать: если хочешь позвать друзей вместе посмотреть гонку, я не против. Куча детей так делает, верно? Не хочу, чтобы ты чувствовал себя обделённым.

Скандар не поднимал глаз от тарелки. Разве он мог признаться, что ему некого звать, потому что у него совсем нет друзей? И что в этом в каком-то смысле виноват папа?

Ему приходилось заботиться о папе, когда у того выдавались плохие – нерадостные – дни, а это означало, что у Скандара не оставалось времени на все те занятия, которые необходимы, чтобы завести друзей. Он не мог задержаться после школы, чтобы потусить в парке, у него не было карманных денег, чтобы поиграть в автоматы или втайне сгонять на пляж Маргейта за жареной рыбой с картошкой фри. Скандар и не догадывался, что именно в такие моменты зарождается дружба, а не на уроке английского и даже не за поеданием несвежего печенья с заварным кремом на перемене. А ещё, занятый уходом за папой, Скандар порой не успевал вовремя постирать одежду или почистить зубы. И окружающие обращали на это внимание. И никогда не забывали об этом.

Кенне по какой-то причине жилось проще. Скандар предполагал, что это потому, что она всегда была увереннее в себе, чем он. Когда Скандар пытался выдать что-нибудь умное или смешное, мозги тут же зависали. Его осеняло, но лишь спустя пару минут. А оказываясь лицом к лицу с одноклассниками, он всегда терялся, мысли покидали голову, оставив после себя пустоту, заполненную странным жужжанием. У Кенны никогда не было такой проблемы; один раз он услышал, как она одёрнула группу девочек, шёпотом обсуждающих их «ненормального» папу. «Мой папа – мои дела, – сказала она нарочито спокойно. – Не лезьте в это, не то пожалеете».

– Они смотрят со своими семьями, пап, – промямлил в итоге Скандар, чувствуя, что краснеет, как всегда с ним бывало, когда он не говорил всей правды.

Но папа не заметил, потому что начал собирать грязную посуду, и это было так необычно, что Скандар дважды моргнул, чтобы убедиться, что ему это не привиделось.

– А Оуэн? Вы же дружите, да?

Оуэн был хуже всех. Папа думал, что они друзья, потому что один раз заметил на телефоне Скандара оповещение о сотнях его сообщений. Скандар не стал уточнять, что их содержание было совсем не дружелюбным.

– О да, он обожает Кубок Хаоса. – Скандар поднялся, чтобы помочь убрать со стола. – Но он смотрит его с бабушкой и дедушкой, а они далеко живут.

И это даже не было выдумкой: Скандар слышал, как Оуэн жаловался на это дружкам. А затем вырвал из его учебника по математике три страницы, скомкал их и бросил Скандару в лицо.

– КЕННА! – внезапно заорал папа. – Скоро начнётся!

Не дождавшись ответа, он пошёл в их комнату, а Скандар сел на диван перед телевизором, по которому шла трансляция в прямом эфире с Арены.

На экране у участника прошлого Кубка брали интервью прямо у стартового барьера. Скандар прибавил звук.

– ...вы думаете, нам стоит ожидать сегодня грандиозных магических баталий? – спросил румяный от возбуждения репортёр.

– Непременно, – уверенно кивнул наездник. – В этом году нас ждёт бурная смесь всевозможных талантов, Тим. Все заикнулись на огненной мощи Федерико Джонса и Крови Заката – но как насчёт Эмы Темплтон и Боязни Гор? Пусть они относятся к стихии воздуха, но это далеко не единственная их сильная сторона. Нельзя забывать, что лучшие наездники Кубка Хаоса превосходно владеют всеми четырьмя элементами, а не только своим основным.

Четыре элемента. Центральная тема инкубаторского экзамена. Скандар часами зазубривал, кто из знаменитых единорогов и наездников относится к какой стихии – огню, воде, земле или воздуху – и какие приёмы атаки и защиты они предпочитают в битвах в небе. От волнения у Скандара сжался желудок: ему не верилось, что экзамен уже послезавтра.

Папа вернулся слегка хмурым.

– Скоро придёт, – сказал он, опускаясь рядом с Скандаром на потёртый старый диван, и повернулся к телевизору. – Вам, детям, это трудно понять. Тринадцать лет назад, когда моё поколение впервые смотрело Кубок Хаоса, с нас было довольно одного знания, что Остров существует. Я был слишком стар, чтобы стать наездником. Но гонки, единороги, стихии... для нас это всё была чистая магия – для меня и для вашей мамы.

Скандар застыл, не смея даже повернуть головы от экрана и выходящих на дорожку единорогов. Только в день Кубка Хаоса папа говорил об их с Кенной маме, но больше никогда. Скандар перестал спрашивать о ней к своему седьмому дню рождения, усвоив, что эти вопросы злят и расстраивают папу и после них тот целыми днями не выходит из спальни.

– Никогда не видел вашу маму такой эмоциональной, как в тот день, во время первого Кубка Хаоса, – продолжил папа. – Она сидела на этом самом месте, где ты сидишь сейчас, улыбалась и плакала, держа тебя на руках. Тебе тогда было всего несколько месяцев.

Скандар об этом уже знал, но был совсем не против услышать ещё раз. Они с Кенной с жадностью вбирали любую крупицу информации о маме. Раньше им о ней рассказывала бабушка, папина мама, но особенно им нравилось слышать эти истории от папы, который любил её как никто другой. И порой в уже хорошо знакомых рассказах проскальзывали новые детали – например, что Розмари Смит звала его только «Берти» и никогда «Робертом». Или что она часто пела в ванной, а её любимыми цветами были анютины глазки, или как во время первого и последнего Кубка Хаоса, который ей удалось посмотреть, ей больше всего нравилось наблюдать за водной магией.

– Никогда не забуду, – добавил папа, глядя на Скандара, – как твоя мама, когда тот первый Кубок завершился, взяла твою крошечную ручку, провела пальцами по линиям на твоей ладонке и прошептала тихо, как в молитве: «Я обещаю, что у тебя будет единорог, малыш».

Скандар с трудом сглотнул. Папа ещё никогда об этом не упоминал: возможно, приберегал на особый случай – на Кубок, предшествующий его инкубаторскому экзамену. Или это вообще неправда. Скандар никогда не узнает, обещала ему Розмари Смит единорога или нет, потому что через три дня после того, как в Великобритании впервые увидели гонку единорогов, его мама – внезапно, без каких-либо предпосылок – умерла.

Скандар никогда не признавался в этом папе, да даже Кенне, но он так любил смотреть Кубок Хаоса в том числе и потому, что чувствовал себя в этот день ближе к маме. Он представлял, как она смотрит на единорогов, как её распирает от восторга – совсем как его, – и почти мог поверить, что она тоже здесь, с ним.

Кенна громко протопала в комнату с плоской кукурузных хлопьев в руке.

– Серьёзно, Скар? Майонез на завтрак? – Она указала на его грязную тарелку, верхнюю в стопке. – Сколько раз тебе говорить: ну не годится он для звания любимой еды, братец.

Скандар лишь пожал плечами, и Кенна со смехом втиснулась сбоку от него на диван.

– Что-то вы много места стали занимать. Так я в следующем году окажусь на полу! – засмеялся папа.

У Скандара ёкнуло сердце. Если он сдаст экзамен, то в следующем году он будет смотреть Кубок Хаоса вживую, на Острове, и у него появится собственный единорог.

– Кенна, выкладывай – кто фаворит? – наклонился через Скандара папа.

Она с насупленным видом продолжила жевать, не отрывая взгляда от телевизора.

– Мне она утром сказала, что Аспен и Мороз Новой Эры *не* победят, – вклинился Скандар, надеясь вызвать её реакцию.

Сработало.

– Может быть, в следующем году, но в этой гонке расклад не в пользу водных магов. – Кенна заткнула за ухо выбившуюся прядь, и от этого знакомого жеста Скандар тут же почувствовал себя спокойнее, словно от доказательства, что с Кенной всё будет хорошо, даже если в следующем году они с папой будут сидеть на этом диване только вдвоём.

Он помотал головой:

– Говорю тебе, Аспен не станет полагаться только на воду – она для этого слишком умна. Она обязательно будет применять ещё и воздушные, огненные и земные атаки.

– Но наезднику всегда лучше всего даются приёмы его основного элемента, Скар. Поэтому его и называют *основным* – ау! Предположим, Аспен атакует кого-то огнём – но по мощи это и рядом не будет стоять с атакой огненного мага, понимаешь?

– Ну ладно, тогда кто, *по-твоему*, победит? – Скандар подался вперёд: папа сделал звук громче, добавив голосу комментатора возбуждённой визгливости, пока на экране облачённые в доспехи участники толкались перед стартовым барьером, борясь за лучшие места.

– Эма Темплтон и Боязнь Гор, – очень тихо ответила Кенна. – В прошлом году она финишировала десятой, воздушный маг, выносливая, смелая, умная. Именно такой наездницей я бы стала.

На памяти Скандара она впервые вслух признала, что ей никогда не стать наездницей. Ему хотелось как-то её подбодрить, но он не нашёлся что сказать, и момент был упущен. Поэтому он сосредоточился на речи комментатора, заполняющей последние секунды до старта.

– Для тех, кто смотрит нас впервые, мы ведём трансляцию из Четырёхточия, столицы Острова. И через считанные мгновения все эти единороги взлетят над знаменитой Ареной и начнут воздушную гонку – суровое шестнадцатикилометровое испытание выносливости и навыков ведения боя в небе. Наездники должны оставаться в пределах парящих ограничителей – иначе они будут дисквалифицированы, – что не так-то легко, когда двадцать четыре соперника при каждом удобном случае пытаются ударить по тебе или замедлить... О, а вот и отсчёт! Пять, четыре, три, два... И-и-и начали!

Скандар смотрел, как двадцать пять единорогов, каждый вдвое крупнее обычной лошади, сорвались с места, едва стартовый барьер поднялся над их рогами. Наездники, ударяясь ножными доспехами о соседские, практически прижались к шее своих единорогов, чтобы те как можно быстрее набрали скорость и вырвались вперёд. А затем настал черёд его самой любимой части состязания: единороги начали расправлять гигантские перьевые крылья и взлетать над песчаной дорожкой. Микрофоны в шлемах наездников передавали их восторженное улюлюканье. Но они улавливали и кое-что ещё, и от этого звука, хотя Скандар слышал его во время каждого чемпионата на протяжении всей своей жизни, по его спине неизменно пробегал холодок. Гортанное ржание, исходящее из самого нутра единорогов, пугающее сильнее львиного рёва, было древнее и примитивнее всего, что ему приходилось слышать на Британских островах. Тот особый звук, побуждающий инстинктивно броситься наутёк.

Под бряцанье и скрип металла единороги боролись в воздухе, выбивая себе выгодные позиции. Рога, которыми они пытались пропороть брюхо соперников, мерцали на солнце. Пена пузырилась на скрежещущих зубах, ноздри вспыхивали красным. Они все набрали высоту, и небо осветила магия стихий: огненные шары, пыльные вихри, молнии, стены воды. Масштабная битва разворачивалась на фоне пушистых белых облаков. Правые ладони наездников, пока они прорубали себе дорогу вперёд – причём порой буквально, то и дело светились энергией стихий.

Зрелище было не для слабонервных. Единороги били друг друга копытами, вгрызались в бока соперников и подрывали тех, кто оказывался опасно близко. С начала гонки прошло три минуты, когда на камеру попала наездница, светлые волосы которой были в огне, а одна рука безвольно повисла. Её единорог по спирали ушёл вниз и совершил жёсткую посадку, не в силах оставаться в воздухе с дымящимся крылом.

Комментатор застонал.

– Хилари Уинтерс и Остролистная Лилия *покидают* этот чемпионат со сломанной рукой и серьёзными ожогами у Хилари и повреждённым крылом у Лилии, насколько я могу судить.

Камера вернулась к группе лидеров. Федерико Джонс и Кровь Заката сражались с Аспен Макграт и Морозом Новой Эры. Аспен призвала ледяной лук и выпускала стрелу за стрелой в закрытую доспехами спину Федерико, надеясь его замедлить. Федерико пытался защититься огненным щитом, но меткости Аспен было не занимать, и Мороз упорно нагонял. Но Федерико тоже не собирался сдаваться: когда Мороз подлетел совсем близко, над головой Аспен в небе расцвёл пламенный взрыв.

– Атака лесным пожаром со стороны Федерико, – восхитился комментатор. – Ловко у него получилось, учитывая их высоту и скорость. Но... О! Вы только посмотрите!

Вокруг Мороза и Аспен возникла паутина из ледяных кристаллов, которые, увеличившись, сформировали такой плотный кокон, что они невредимыми пролетели сквозь завесу пламени. Скандар увидел, как Федерико в расстройстве закричал, когда они с Кровью Заката, отвлекшись на огненную атаку, оказались позади, а вырвавшаяся из ледяного панциря Аспен – впереди.

– Лидирует Том Назари на Плаче Дьявола, сразу за ними – Эма Темплтон на Боязни Гор. Третьими летят Элоди Бёрч на Камышовом Принце, а четвёртыми благодаря фантастической воздушно-водной комбинации становится Аспен Макграт и Мороз Новой Эры... Но Аспен, похоже, уже готовится к следующей атаке, – перебил сам себя комментатор, повышая голос. – Она набирает скорость!

Рыжие волосы Аспен разметались у неё за плечами. Мороз захлестал крыльями с такой силой, что их изображение смазалось, и, набрав невиданное ускорение, пронёсся мимо Камышового Принца, в последний момент успев уклониться от летящей в Аспен молнии. Затем длинные серые крылья Мороза оставили позади фаворитку Кенны Боязнь Гор, а следом и Плача Дьявола, чёрного единорога Тома Назари. И Аспен оказалась во главе гонки.

– Да! – Скандар вскинул кулак, что было совершенно на него не похоже, но потрясающе и просто невероятно.

– Никогда не видел ничего подобного! – надрывался комментатор. – Смотрите, как далеко она от всех остальных!

Кенна, не отрывая глаз от приближающихся к финишу единорогов, ахнула:

– Поверить не могу!

– Она победит с отрывом в сотню метров! – воскликнул фальцетом другой комментатор.

Скандар, разинув рот, смотрел, как копыта Мороза Новой Эры коснулись песка дорожки. Аспен с пылающими яростной решимостью глазами продолжала гнать его до самой финишной арки.

Скандар вскочил и восхищённо заорал:

– Они победили! Они победили! Я же говорил тебе, Кенна! Я знал, что так будет!

Глаза Кенны сияли, и её смех сделал эту победу ещё слаще.

– Ладно, Скар. Признаю, они превзошли все мои ожидания. Эти ледяные кристаллы просто что-то с чем-то! Никогда не видела...

– Тихо. – Папа встал рядом с экраном. – Что-то не так.

Скандар подошёл к нему с одной стороны, Кенна – с другой. Из динамиков гремели крики толпы, но в них больше не было радости, один лишь страх. Единороги перестали пробегать под финишной аркой. Комментаторы затихли, трансляция застопорилась, будто все операторы покинули свои позиции.

В центре Арены приземлился единорог, но он выглядел иначе, не как Кровь Заката, или Мороз Новой Эры, или Боязнь Гор, парад победителей которых он прервал. На его крыльях почти не было перьев, они напоминали крылья летучей мыши, а сам он с выпирающими из-под кожи рёбрами казался истощённым до полусмерти. Красные глаза-щёлки горели безумием. Он скалился на наездников окровавленными зубами, будто подначивал их напасть.

Лишь заметив его полупрозрачный рог, Скандар ошарашенно выдохнул:

– Это дикий единорог. Как в том старом видео, которое нам показал Остров. Это благодаря ему все тогда поверили, что единороги реальны. Там они напали на деревню...

– Что-то не так, – повторил папа.

– Это не может быть дикий единорог, – прошептала Кенна. – На нём наездник.

Скандар до того момента не обращал внимания на сидящего на единороге человека – если это вообще был человек. Тело наездника скрывал разорванный внизу длинный просторный саван, хлопающий на ветру, а черты его лица было трудно разглядеть из-за широкой белой полосы, тянущейся от горла до тёмных коротко остриженных волос.

Единорог встал на дыбы и забил по воздуху копытами, из открытой пасти повалил густой чёрный дым. Загадочный человек в саване издал триумфальный клич, дикий единорог завизжал, и дым начал быстро заполнять Арену. Скандар смотрел, как единорог, высекая копытами искры, поскакал к участникам Кубка Хаоса, а из ладони его наездника вылетела белая вспышка, засветив на мгновение экран. Затем чёрные клубы скрыли камеру, но за секунды до этого наездник повернулся и медленно и явно намеренно указал длинным костлявым пальцем точно в объектив.

Дальше были только звуки. Взрывы магии стихий, визг единорогов, крики зрителей и ясно различимый топот ног покидающих трибуны островитян. Они пробежали мимо камеры, и среди их панических голосов, слившихся в одну неразборчивую массу, Скандар выловил одно и то же повторяющееся слово.

Ткач.

Кем бы он ни был, с каждым произнесением этого слова – шёпотом или криком – в душе Скандара всё сильнее разгорался инстинктивный страх.

Он повернулся к папе, который в немом шоке смотрел на клубящийся на телевизионном экране чёрный дым. Но Кенна опередила его с вопросом.

– Папа, – тихо сказала она, – кто такой Ткач?

– Тсс! – отмахнулся он. – Что-то происходит.

Дым рассеивался, и сквозь него проступила сотрясающаяся от крика и рыданий фигура. Она стояла на коленях в окружении других наездников, всё ещё облачённая в доспехи с синей надписью «Макграт» на спине.

– Пожалуйста! – срывающимся голосом умоляла Аспен. – Я прошу тебя, верни его!

Федерико Джонс – от былой вражды во время гонки не осталось и следа – помог ей подняться, но Аспен продолжала кричать в истерике:

– Ткач забрал его! Его больше нет! Мы победили, и Ткач... – Аспен не договорила, подавившись всхлипом. По её грязному лицу градом катились слёзы.

Воздух рассёк чей-то суровый голос:

– Выключите камеры! Сейчас же! Нельзя, чтобы британцы это видели! Выключите немедленно!

Все единороги разом завизжали и заржали, породив оглушающую какофонию. Их наездники торопливо вскочили в седла, стараясь усмирить встающих на дыбы и брызжущих пеной напарников, выглядящих в эту секунду как самые настоящие чудовища.

Лишь одна из двадцати пяти участников осталась стоять на песке – победитель Кубка Хаоса, водный маг Аспен Макграт. Но её единорога Мороза Новой Эры нигде не было видно.

– Кто такой Ткач? – настойчиво повторила свой вопрос Кенна.

Но ей никто не ответил.

Глава вторая. Запертые снаружи

– Мисс Бантресс, вы знаете, кто такой Ткач?

– Зачем Ткач забрал Мороза Новой Эры?

– Как Ткач смог укротить дикого единорога?

– Ткач может добраться до Великобритании?

– ТИШИНА! – рявкнула мисс Бантресс, массируя ладонью лоб.

Класс притих: Скандар ещё никогда не слышал, чтобы мисс Бантресс повышала голос.

– Это мой четвёртый инкубаторский урок за сегодня, – уже спокойнее продолжила она, прислонившись к доске. – И я скажу вам ровно то же, что сказала предыдущим классам. Я не знаю, кто такой Ткач. Я не знаю, как он укротил дикого единорога. И, что совсем не удивительно, я понятия не имею, где сейчас Мороз Новой Эры.

Весь день все только и говорили что о Кубке Хаоса. Что само по себе было делом обычным – всё-таки главное событие года. Но в этот раз всё было иначе: все – особенно ровесники Скандара по всей стране – волновались насчёт грядущего инкубаторского экзамена.

– Мисс Бантресс, – подняла руку Мария, – мои родители не хотят пускать меня на экзамен. Они боятся, что на Острове небезопасно.

Несколько ребят согласно закивали.

Учительница выпрямилась и взглянула на них из-под соломенной чёлки.

– Оставим на минутку тот факт, что вы по закону обязаны сдать экзамен. Кто мне скажет, что будет в случае, если Марию в Инкубаторе ждёт предназначенный ей единорог, но она не ответит на его зов?

Все они знали ответ, но первым встал Сами:

– Если Мария не поможет ему вылупиться, её единорог окажется без предназначенного ему наездника и родится диким.

– Совершенно верно, – подтвердила мисс Бантресс. – И превратится в подобие того жуткого создания, которое вы все видели на Кубке Хаоса.

– Я не сказала, что согласна с мамой и папой! – возразила Мария. – Я всё равно собираюсь...

Мисс Бантресс её проигнорировала.

– Пятнадцать лет назад Остров обратился к нам за помощью из-за нехватки наездников. Я понимаю, вы все расстроены из-за случившегося – как и я. Но я не допущу, чтобы мои ученики увивали от своих обязанностей. А с этим... с этим *Ткачом* в бегах... сейчас стало важно, как никогда, чтобы вы помогли вылупиться предназначенному вам единорогу. Вам даётся всего один шанс. И ваша очередь настала.

– Ну а я думаю, что всё это одно большое надувательство, – протянул с задней парты Оуэн. – По мне, так это был никакой не дикий единорог – всё это было подстроено. Так пишут в Интернете, и...

– Да, спасибо, Оуэн, – перебила его мисс Бантресс. – Это одно из возможных объяснений. А теперь приступим к повторению материала, все согласны?

Нахмурившись, Скандар опустил глаза на свой учебник по подготовке к инкубаторскому экзамену. Чушь какая-то. Если это чья-то шутка, у островитян не было причин так пугаться. Как одному наезднику в чёрном саване удалось победить всех участников гонки, состоящих из самых могущественных единорогов Острова, и похитить Мороза Новой Эры? И кто такой этот Ткач?

Сейчас Скандару ужасно не хватало друзей, с которыми он бы мог шёпотом всё обсудить во время уроков. Он бы спросил их, что они думают насчёт всего этого. И он принялся рисовать на полях учебника загадочного дикого единорога. Рисование было второй страстью Скандара

после единорогов. Так он выражал свои фантазии о жизни на Острове. Его альбом был полон набросков сражающихся единорогов и испещрённых трещинами яиц, перемежающихся морскими пейзажами, смешными карикатурами на Кенну и – крайне редко – портретами мамы, срисованными со старой фотографии.

Далеко не в первый раз он спросил себя, что бы она сказала обо всём случившемся.

* * *

После уроков Скандар в одиночестве – как обычно – ждал Кенну у школьных ворот, листая тетрадь с материалами по инкубаторскому экзамену. Вдруг он услышал звук, который узнал бы из тысячи: смех Оуэна. Тот старался подбавить в него баса, чтобы звучать старше, как взрослый. Хотя, на взгляд Скандара, это больше походило на мычание сильно простывшей коровы, страдающей от запора.

– Мне их только дали! – закричал кто-то фальцетом. – И мне ещё нужно поделиться с младшим братом! Пожалуйста, не забирайте...

– Хватай их, Рой! – гаркнул Оуэн.

Рой был одним из его дружков.

Оуэн и Рой угрожающе нависли над низкорослым мальчиком лет одиннадцати, испуганно вжавшимся в невысокую стену, огораживающую игровую площадку. У него была бледная кожа в веснушках и ярко-рыжие волосы, совсем как у Аспен Макграт.

– Эй! – побежал к ним Скандар, уже зная, что пожалеет об этом, возможно, даже получит кулаком по лицу, – но он просто не мог бросить беднягу разбираться с Оуэном в одиночку. Да и не сказать, чтобы Оуэн до этого никогда его не бил, – в каком-то смысле Скандару было не привыкать. Приблизившись, он заметил в руке Роя несколько коллекционных карточек Хаоса. Так вот о чём шла речь.

– Чё ты сказал? – шагнул к Скандару Оуэн.

Скандар быстро махнул рыжему мальчику, и тот юркнул за стену.

– Я... э-эм... просто подумал: может, ты хочешь одолжить мои записи? – запинаясь, спросил Скандар, вспышка отваги которого успела выгореть. Нельзя было окликнуть Оуэна и вернуться к своим делам как ни в чём не бывало. О чём он только думал?!

Фыркнув, Оуэн выхватил тетрадь и передал Рою, освобождая руки, после чего врезал Скандару кулаком по плечу, чтобы тот не расслаблялся.

– Тут всё к экзамену, – пробормотал Рой, перелистнув страницы.

– Ну здорово. Тогда я пошёл. – Скандар было сдвинулся вбок, но Оуэн поймал его за белую рубашку. Нос Скандара уловил запах геля, которым Оуэн укладывал свои тёмные волосы, чтобы они выглядели более лохматыми.

– Ты же не думаешь, что тебе светит сдать экзамен? – с притворным удивлением спросил Оуэн. – Нет, серьёзно? О, это так *мило!*

Рой тупо кивнул:

– Он думает. Тут всё для повторения.

– Сколько раз мне тебе это говорить? – Оуэн приблизился почти вплотную к лицу Скандара. – Такие, как *ты*, наездниками не становятся. Ты слишком слабый, слишком хилый, слишком жалкий. Тебе никогда не укротить такое опасное существо, как единорог, твой максимум – это пудель. О, это идея: заведи-ка себе пуделя, Скандар, и катайся на нём. И мы все посмеёмся! – Оуэн уже отвёл назад сжатую в кулак руку для прощального хука, когда кто-то схватил его сзади и с силой дёрнул.

Судя по всему, силе гравитации Оуэн нравился не больше, чем Скандару, потому что он не удержал равновесия и с размаху плюхнулся задом на асфальт.

Позади него стояла Кенна:

– Валите отсюда – или одной ушибленной пятой точкой вы не отделаетесь! – Её карие глаза опасно блеснули, и Скандара затопила гордость: его сестра – лучшая на всём свете.

Оуэн торопливо вскочил, развернулся и бросился наутёк. Рой не отставал, размахивая руками, в одной из которых держал тетрадь. От Кенны это не укрывало.

– Эй! Это тетрадь Скандара? А ну, вернись! – закричала она и погналась за ними к воротам.

Скандар с колотящимся сердцем позвал:

– Можешь выходить.

Рыжий мальчик, всё ещё испуганный, сел рядом с ним на стену.

– Как тебя зовут? – мягко спросил Скандар.

– Джордж Норрис, – шмыгнул тот носом и вытер слезу. – Они забрали у меня карточки. – Расстроенный, он ударил пятками по стене.

– Что ж, Джордж Норрис, сегодня твой счастливый день, потому что... – Скандар достал из рюкзака свою коллекцию карточек с единорогами и наездниками. – Выбери *пять*, а взамен я попрошу всего-навсего... ничего.

Джордж просиял.

Скандар расправил карточки на манер веера и помахал ими перед его лицом:

– Давай выбирай.

Джордж подошёл к делу обстоятельно. Скандар старался не поморщиться, когда пара редкостей из его коллекции ушла в карман мальчика.

– Ах да: в следующий раз, когда Оуэн начнёт тебя задирать, – сказал Скандар, вставая, – скажи ему, что знаешь мою сестру, Кенну Смит.

– Это она его на землю швырнула?! – распахнул глаза Джордж. – А она крутая.

– Мегакрутая! – заорала Кенна, подкравшись к Скандару с другой стороны стены.

– Агх, ну зачем ты так?! – Он схватился за сердце.

Заметно повеселевший, Джордж помахал ему:

– Пока, Скандар!

Кенна протянула ему тетрадь:

– Оуэн опять к тебе пристаёт? Почему мне не сказал, что всё так плохо? Он что, заставляет тебя делать за него домашку? Поэтому у него была твоя тетрадь?

В отличие от папы, Кенна была в курсе, что Оуэн уже не один год не даёт Скандару житья. Но в последнее время брат старался не докучать ей своими проблемами. Она и так постоянно грустит, не хватает ей ещё из-за него переживать.

– Не делаю я ни за кого домашку, расслабься.

– Просто дома... ну... и так не очень. Сам знаешь, папа после Кубка Хаоса сам не свой. Твердит без конца, что Ткач испортил ему единственный счастливый день в году. Он всегда расстраивался после гонки, но в этот раз всё...

– ...ещё хуже, – договорил за неё Скандар. – Да, я знаю, Кенн.

Папа как одержимый без конца пересматривал запись Кубка, перематывал, ставил на паузу и разглядывал каждый кадр. А потом ложился спать, не поев и не сказав им ни слова.

– И я знаю, что у тебя завтра... – Она вдохнула и продолжила: – Инкубаторский экзамен, но это не повод на всё забивать, понимаешь? Потому что...

– Я знаю, – кивнул Скандар. Он был не в настроении опять выслушивать, насколько ничтожны его шансы попасть на Остров. Не сейчас, не после этой стычки с Оуэном и Роем. Лишь вера в то, что всё изменится, что его ждёт новая жизнь далеко отсюда, не давала ему расклеиться. Единороги были для него всем. Кенна лишилась этого шанса, но Скандар не собирался отказываться от мечты. Не сейчас, пока он ещё не...

– Ты в порядке, Скар? – вернул его в реальность голос сестры.

Скандар сам не заметил, как остановился посреди тротуара, и маленькому мальчику в футболке с единорогом пришлось его обойти. Он двинулся дальше, но Кенна не отставала:

– Это потому, что все говорят, что на острове сейчас небезопасно?

– Я всё равно коснусь двери Инкубатора, – упрямо заявил Скандар.

Кенна ткнула в него пальцем:

– О-о, смотрите-ка, какие мы стали смелые. А где была твоя смелость, когда ты нашёл у себя в кровати того паука-долгоножку?

– Когда у меня вылупится единорог, он будет закусывать всеми этими ползучими тварями, которых я ненавижу, – усмехнулся Скандар.

Лицо Кенны помрачнело, как бывало всегда, когда они углублялись в тему единорогов. Ему до сих пор не верилось, что она провалила экзамен. У них было столько планов: она должна была уехать на Остров первой, а затем через год он бы к ней присоединился. Папа бы так ими гордился, и он бы получил деньги, причитающиеся в Великобритании родственникам наездников в качестве компенсации за переезд детей на Остров. Благодаря им ему бы стало *лучше*.

– Хочешь, ужин сегодня на мне? – чувствуя себя виноватым, предложил Скандар, пока Кенна набирала код на дверном замке.

Они поднялись по лестницам: лифт уже несколько месяцев не работал, но никто не спешил его чинить, хотя Кенна оставила минимум дюжину жалоб.

На десятом этаже пахло застоявшимся дымом и уксусом, как и всегда, а одна длинная люминесцентная лампа над дверью квартиры 207 назойливо жужжала. Кенна вставила ключ в замок, но дверь не открылась.

– Папа опять закрылся на задвижку!

Кенна позвонила на папин телефон. Без толку.

Она постучала, и ещё раз, уже громче. Скандар позвал папу в щель внизу, царапая щёку о серый ковролин коридора. Ответа не было.

– Бесполезно. – Кенна съехала спиной по створке и села на пол. – Придётся ждать, когда проснётся и обнаружит, что нас нет. Ничего, сообразит. Не впервой.

Скандар сел рядом, прислонившись спиной к двери.

– Давай я тебя пока прогоню по темам экзамена? – предложила Кенна.

Скандар нахмурился:

– Ты уверена, что хочешь?..

Кенна заправила за ухо выбившуюся прядь и проверила, чтобы та снова не выскользнула. Затем повернулась к Скандару, протяжно вдохнув:

– Слушай, я знаю, что вела себя отстойно после того, как меня не вызвали на Остров.

– Вовсе нет... – начал Скандар.

– Нет, так и есть, – настояла Кенна. – Я была как вонючее мусорное ведро, как навозная куча, хуже, чем ещё горячие какашки в канализационной трубе.

Скандар засмеялся.

Кенна тоже улыбнулась:

– И это было нечестно по отношению к тебе. Потому что на моём месте ты бы продолжал помогать мне с домашкой и болтал со мной о единорогах. Папа как-то сказал, что мама была добрейшей души человеком, и если это правда, то ты явно похож на неё куда больше, чем я. У тебя большое сердце, Скар, не то что у меня.

– Неправда!

– А моё вылеплено из какашек. Так тебе нужна моя помощь – или как? – Она схватила его рюкзак, нашла в нём учебник по подготовке к инкубаторскому экзамену с четырьмя символами стихий на обложке и открыла на середине. – Начнём с быстрого опроса. Почему Остров открыл остальному миру, что единороги реальны?

– Кенн... ну ты чего! Давай серьёзнее!

– Я *абсолютно* серьёзна, Скар. Ты думаешь, что всё знаешь, но поверь: именно на простейших вопросах ты и засыплешься.

Лампа над ними зажужжала громче. Скандар уже отвык от Кенны в хорошем расположении духа, особенно когда дело касалось Острова, и решил ей подыграть.

– Ладно, ладно. На Острове не хватало своих тринадцатилетних ребят, способных открыть дверь Инкубатора и найти внутри предназначенных им единорогов. Это означало, что единороги вылуплялись дикими, неукрощёнными, и со временем Остров бы не справился с их количеством. Поэтому они решили распространить эту практику и на британских детей.

– С какой самой серьёзной проблемой столкнулся Остров, открыв правду британцам? – спросила Кенна, пролистнув несколько страниц.

– Премьер-министр и его советники посчитали это розыгрышем, потому что у нас в стране было принято считать единорогов персонажами сказок, белыми и пушистыми...

– И? – поторопила Кенна.

– ...и какающими радугой, – закончил Скандар, и они с улыбкой переглянулись.

Как и все британские дети, они были наслышаны о тех днях, когда единорогов считали мифическими созданиями. Мисс Бантресс рассказывала, что их бы подняли на смех, вздумай они заявить, что единороги реальны. На первом инкубаторском уроке она раздала им для ознакомления вещи из прошлого: плюшевую розовую игрушку с закрученными ресницами и улыбающейся мордочкой, блестящий ободок с серебристым рогом и щедро усыпанную блёстками открытку на день рождения с пожеланием: «Всегда будь собой – только если ты не единорог: тогда всегда будь единорогом».

А потом, пятнадцать лет назад, всё изменилось. Стоило репортажу про кровожадных диких единорогов захватить экраны британцев, как из магазинов пропали все товары с единорогами. Папа рассказывал, что всех до смерти напугала мысль, что эти чудовища могут полететь к Британским островам, убивая всех на своём пути – зубами, копытами или рогом. Ужас вынудил людей вычистить дома от всего связанного с единорогами – книжек с картинками, мягких игрушек, брелоков, украшений на праздники – и сжечь это в кострах, ещё долго пылавших в парках.

Неудивительно, что родители не были в восторге от идеи отправлять своих детей на родину этих существ. Скандар читал старые газетные статьи о вспыхнувших в Лондоне протестах и долгих дебатах в парламенте. Но ответ на все недовольства был неизменен: если мы не поможем, диких единорогов будет рождаться всё больше и в конце концов они всех нас убьют. Общественность потребовала пойти войной на Остров и уничтожить всех единорогов, на что премьер-министр парировал, что единорога – и не важно, есть у него наездник или нет, – невозможно убить пулей. Он настаивал, что в случае согласия все в Великобритании окажутся в выигрыше.

«Укрощённые единороги совсем другие, – пытался успокоить он сомневающихся. – Только представьте, какая это честь. Разве вы не хотите, чтобы ваши дети стали героями?»

По словам папы, через какое-то время люди успокоились. Конечно, прощаться с родными было нелегко, но ведь переехавшие на Остров дети не умирали, и дикие единороги ни на кого не нападали. Родителям британских наездников разрешалось раз в год посещать Остров и проводить целый день со своими детьми, и ни один ребёнок не попросился домой. Участников Кубка Хаоса почитали люди всех возрастов, они были популярнее представителей королевской семьи. Большинство детей, задувая свечки на торте в день рождения, загадывали желание стать наездниками. Медленно, но верно единороги вошли в повседневную жизнь, а о *диких* единорогах почти никто не упоминал.

До вчерашнего дня. До явления Ткача.

– Как думаешь, на экзамене будет что-нибудь о Ткаче? – спросил Скандар Кенну. – И он правда укротил того дикого единорога? Но ведь это невозможно, верно? В смысле в самом

определении дикого единорога сказано, что он такой, потому что упустил шанс стать партнёром предназначенного ему наездника и вылутился в одиночестве...

Кенна остановилась, но не подняла глаз от своих серых носков:

– Не переживай так. Ты справишься.

– Ты серьёзно думаешь, что я смогу стать наездником? – тихо, почти шёпотом, спросил Скандар. Кенна никак не могла повлиять на результат его экзамена и уж тем более на то, откроется перед ним дверь Инкубатора или нет, но ему всё равно было важно знать, что сестра в него верит.

– Конечно! – улыбнулась она.

Но у Скандара выступили слёзы. Он ей не поверил.

Он опустил глаза на свои колени.

– Нет, я всё понимаю. Во мне нет ничего особенного. Где я – и где наездники, которых показывают по телику! Они все такие крутые и харизматичные. А я... ну... у меня даже волосы непонятного цвета!

– Не говори ерунды – они каштановые, как у меня.

– Да ну, – безнадежно вздохнул Скандар. – Почему просто не сказать, что они цвета грязи? А мои глаза... опять ни то ни сё: то ли голубые, то ли зелёные, то ли карие. А ещё я боюсь пауков, и ос, и темноты – не всегда, только когда совсем-совсем темно, так, что собственной руки не видно, но всё равно. Какой единорог захочет стать мне партнёром?

– Скандар... – Кенна опустила перед ним на колени, как часто делала, когда они были ещё маленькими и он из-за чего-то расстраивался.

Разница в возрасте между ними была всего год, но Кенна всегда казалась ему намного старше – до того самого дня в прошлом году, когда она провалила экзамен. После этого уже ему пришлось быть сильным, когда она месяцами рыдала в подушку, когда, усталая и разбитая, не могла заснуть. Он и сейчас иногда слышал её плач по ночам, и этот звук пугал его сильнее, чем рёв тысячи кровожадных единорогов.

– Скандар, – повторила она, – любой может стать наездником! В этом-то и вся прелесть! Не важно, откуда ты или что твои родители неудачники, сколько у тебя друзей или чего ты боишься. Если Остров тебя зовёт – ты ему отвечаешь. Ты помогаешь вылупиться новому шансу. Новой жизни.

– Говоришь прямо как мисс Бантресс, – с улыбкой пробормотал Скандар.

Но пока они наблюдали за опускающимся солнцем в окне в конце коридора, Скандар не мог перестать думать о том, что завтра к этому времени его инкубаторский экзамен уже закончится и его будущее будет предопределено.

Глава третья. Инкубаторский экзамен

Скандара разбудил шорох. Открыв один глаз, он увидел Кенну, сидящую на кровати со старой коробкой из-под обуви на коленях. Это была не обычная коробка – в ней хранились вещи, принадлежавшие их маме: коричневая заколка, маленькая фигурка единорога, фото их родителей, принарядившихся для просмотра Кубка Хаоса, открытка на день рождения Кенны, перламутровый браслет с оторванной застёжкой, чёрный шарф с белыми полосками на концах, брелоки и закладка из местного книжного магазина. Кенна обожала перебирать их и делала это гораздо чаще, чем Скандар, особенно когда нервничала из-за чего-то, объясняя это тем, что благодаря им она почти может вспомнить маму – её улыбку, запах, смех.

Но Скандар ничего о ней не помнил и старался не показывать, как ему из-за этого грустно. Потому что большую часть времени папина грусть была такой всеобъемлющей, что, казалось, заполняла собой квартиру, весь город, целый мир. Кенна тоже, бывало, расклеивалась, и Скандару просто некогда было скучать по маме. Порой проще было засунуть свои чувства вместе с её вещами в дальний угол и постараться о них забыть. Но иногда, когда Кенна спала, Скандар доставал всё из коробки, совсем как сестра сейчас, и позволял себе немного погрустить. Позлиться, что её нет рядом. И помечтать, чтобы она крепко его обняла накануне самого важного дня в его жизни.

– Кенн? – шёпотом, чтобы её не напугать, позвал сестру Скандар.

Щёки Кенны вспыхнули, и она торопливо закрыла коробку крышкой и сунула под кровать.

– Что?

– Сегодня тот самый день, да?

Кенна засмеялась, хотя в её глазах читалась лёгкая грусть.

– Да, Скар. – Она сложила руки рупором и протрубила: – Сегодня инкубаторский экзамен Скандара Смита!

– КЕННА! Помогите мне приготовить завтрак-сюрприз для Скандара! – прогремел из-за стены папин голос.

Кенна широко улыбнулась:

– Поверить не могу, что он вспомнил!

– Поверить не могу, что он уже встал.

Вчера папа пустил их домой лишь поздно вечером и даже едва на них взглянул, погружённый в свои мысли.

Кенна быстро оделась.

– Сделай вид, что удивлён, ладно? – В глазах у неё плясал тот самый огонёк, который всегда в них вспыхивал, когда у папы неожиданно выдавался хороший день.

Скандар улыбнулся, приободрённый: возможно, его экзамен и правда пройдёт как надо.

– Могла бы и не просить.

* * *

Час спустя, позавтракав переваренными яйцами и подгоревшими гренками – вкуснейшими на его памяти, по заверениям Скандара, – папа проводил их с десятого этажа до самого низа. Он ещё никогда так не делал, даже в день экзамена Кенны. Но папа всё утро вёл себя необычно. Он казался счастливым, энергичным и... немного взбудораженным. Он уронил на пол три яйца и пролил на кухонный стол полпинты молока, а в подъезде споткнулся на последней ступеньке и едва не рухнул ничком на пол.

– Всё нормально, пап? – тронула его за предплечье Кенна.

– Что-то я сегодня рассеянный, – неловко усмехнулся папа, вытирая со лба пот. Потом обнял Скандара и прошептал ему в висок: – У тебя получится, Скандар. И если кто-то попытается помешать тебе пройти на экзамен...

Скандар резко отстранился:

– С чего кому-то мне мешать?

– Просто... если вдруг кто-то попробует, Скандар, помни, что ты должен его сдать. Во что бы то ни стало, ради твоей мамы, она так этого хотела. Это была её мечта – чтобы ты стал наездником.

Скандар плечом чувствовал, как дрожит папина рука, и всмотрелся в его лицо, стараясь понять.

– Я знаю. И конечно же, я сдам экзамен, пап. Откуда вообще эти мысли? Ты весь на нервах – теперь я волнуюсь ещё сильнее!

– Удачи, сын, – каким-то не своим голосом пожелал папа и замахал на них, призывая поторапливаться. – И я абсолютно уверен, что в полночь в нашу дверь постучится сотрудник отдела связей с наездниками.

В смутной тревоге Скандар обернулся на ходу и увидел, что папа на прощание показывает ему большой палец. Он постарался сосредоточиться на его словах: в полночь за потенциальными наездниками придут, чтобы доставить их к двери Инкубатора к рассвету в день летнего солнцестояния.

Купаясь в солнечных лучах конца июня, брат и сестра вместе подошли к школьным дверям. Внутри Кенна начала желать Скандару удачи, но тот вдруг запаниковал. Он так и не задал ей вопрос, мучивший его последние дни.

– Кенна... – поймал её руку Скандар. – Ты ведь не возненавидишь меня, если я стану наездником?

Прежде чем он смог собраться с духом, чтобы взглянуть ей в глаза, Кенна обняла его одной рукой, едва не завалившись из-за съехавшего на сторону рюкзака:

– Разве я могу тебя ненавидеть, Скар? Ты мой брат! – Она взъерошила ему волосы. – У меня был шанс, но не срослось. Я хочу для тебя самого лучшего, братец. К тому же... – Она отпустила его. – Если ты станешь знаменит, я *тоже* буду знаменита и познакомлюсь с твоим единорогом. Куда ни посмотри – сплошные плюсы, скажи же?

Улыбнувшись ей, Скандар встал в очередь, образовавшуюся перед спортивным залом, где должен проходить инкубаторский экзамен. Одни ребята перебирали карточки для запоминания, бормоча себе под нос факты из биографий прошлых чемпионов Кубка Хаоса или заклинания огненных атак. Другие от волнения без конца болтали в ожидании, когда мисс Бантресс откроет большую металлическую дверь.

– Поверить не могу, что мы увидим настоящего наездника, – восторженно сказал Майк своему другу Фараху – они стояли на пару человек позади Скандара. – *Вживую!*

– Сомневаюсь, что в нашу Кристчёрч пришлют кого-нибудь стоящего, – вздохнул Фарах. – В стране уйма школ, и с нашей непрухой нам наверняка достанется какой-нибудь старикашка на пенсии или чайник, так и не завершивший обучение.

Пенсионер или нет, но гость с Острова каждый год неизменно вызывал переполох в средней школе Кристчёрч. Трудно было поверить, что человек, укротивший единорога и способный творить стихийную магию, всего какие-то секунды назад прошёл по их коридору.

– Удачи, Скандар! – пожелал рыжий Джордж, спешащий на уроки.

Скандар выдавил жалкую улыбку, стараясь не обращать внимания на закручивающиеся в жгут внутренности.

Воздух над медленно движущейся очередью жужжал от возбуждённого шёпота. Мисс Бантресс запускала учеников по одному, вычёркивая их имена в списке. Но когда перед ней встал Скандар, на её лице отразился шок, возможно, даже лёгкий ужас.

– Что ты здесь делаешь, Скандар? – прошипела она, наклонившись к нему так, что её очки соскользнули на кончик носа.

Скандар ошарашенно уставился на неё.

– Тебя не должно здесь быть.

– Но сегодня инкубаторский экзамен, – напомнил он, нервно хохотнув.

Мисс Бантресс всегда относилась к нему с симпатией: ставила хорошие оценки и написала в последнем отчёте, что у него прекрасные шансы попасть на Остров. Это наверняка какая-то шутка.

– Иди домой, Скандар, – потребовала она. – Тебя не должно здесь быть.

– Нет, должно, – возразил Скандар, – Так сказано в Договоре. – И на случай, если это была проверка для участия в экзамене, процитировал: – «Великобритания обязуется предоставить всем тринадцатилетним гражданам возможность принять участие в экзамене под надзором наездника и доставить успешно сдавших кандидатов на Остров в день летнего солнцестояния».

Но мисс Бантресс упрямо замотала головой.

Скандару вспомнились слова папы: «И если кто-то попытается помешать тебе пройти на экзамен...» В груди возникло странное ощущение, будто что-то пережало лёгкие, не давая до конца выдохнуть. Скандар метнулся к спортзалу, где должен был находиться наездник, присланный наблюдателем: запретив ему пройти на экзамен, мисс Бантресс нарушила закон. Если ему удастся об этом сообщить...

Но мисс Бантресс оказалась быстрее. Она выпрямилась во весь рост и взялась обеими руками за края дверного проёма, преградив ему путь. Стоящие позади Скандара ученики сердито зароптали.

– Я не могу пропустить тебя на экзамен, Скандар.

Ему послышалось в её голосе сожаление, но при этом она старательно избегала встретиться с ним глазами.

– Почему? – Что ещё он мог спросить? Он не знал, что думать, и чувствовал себя опустошённым и растерянным.

– Так решил отдел по связям с наездниками. Приказ сверху. Я не знаю почему – они не объяснили, но я не могу тебя пропустить: на кону моя работа. Они звонили твоему папе, и я тоже ему звонила. Ты должен был сидеть сегодня дома.

Нетерпеливые голоса одноклассников Скандара зазвучали громче:

– Уже почти полдесятого, мисс Бантресс!

– Экзамен начинается для всех одновременно!

– В чём дело?

– Скажите уже этому неудачнику, чтобы не задерживал очередь!

– *Пожалуйста*, – хором произнесли Скандар и мисс Бантресс.

Затем она, по всей видимости, вспомнила, что она учитель:

– Отойди и не мешай остальным, Скандар, или я пошлю за директором. Я советую тебе вернуться домой, поговорить с папой и прийти завтра. – И добавила, явно заметив, что он заглядывает ей за спину, на ровные ряды парт и белые пятна лежащих на них опросников. – Наездница скажет тебе то же самое. Так что даже не думай.

Мисс Бантресс позвала Майку, и тот отгеснил Скандара в сторону. Остальные ученики, увидев, что помеха устранена, хлынули к двери.

Зачеркнув имя последнего тринадцатилетнего школьника, мисс Бантресс зашла в спортивный зал и повернулась, чтобы закрыть дверь.

– Пожалуйста, иди домой, Скандар. Так тебе будет легче. – И она захлопнула металлическую створку.

Скандар в отчаянии посмотрел на висящие в коридоре часы, чувствуя, как сердце колотится о рёбра. Ровно полдесятого. В эту минуту тринадцатилетние подростки по всей стране переворачивают опросники, чтобы приступить к самому важному экзамену в своей жизни. Но Скандара среди них не было. Он остался торчать в дурацком школьном коридоре, навеки лишённый шанса стать наездником единорога.

Глаза заволокло слезами, но он не сдвинулся с места. А вдруг мисс Бантресс осознает свою чудовищную ошибку? Вдруг наездница отправится на поиски отсутствующего ученика, а Скандар уже уйдёт домой? Он не мог этого допустить. В крайнем случае он был готов умолять наездницу дать ему шанс и требовать, чтобы ему позволили сдать экзамен. Скандар был не из тех, кто что-то требовал, – если ему что-то было нужно, он вежливо об этом просил, и обычно очень тихо. Но если он и должен был когда-нибудь закатить скандал, то это сейчас. Что ему терять? Только свою мечту, всё своё будущее.

Каждые тридцать пять минут коридор наполнялся школьниками, сменяющими классы: с математики на биологию, с английского на испанский, с ИЗО на историю. Наконец дверь спортивного зала открылась, и из неё с ручками в руках повалили возбуждённо переговаривающиеся ученики. Никто из них не удостоил Скандара и взглядом, но он продолжал стоять. И ждать. Пока в коридор не вышла мисс Бантресс. Одна.

– Где наездница? – спросил Скандар, никогда ещё не позволявший себе такого грубого тона в разговоре с учителем. От паники у него перехватило горло, дыхание участилось. Наездница не могла уже уйти, он бы её увидел...

– Что ты здесь делаешь? – Теперь, когда инкубаторский экзамен был позади, лицо мисс Бантресс разгладилось от морщин, вызванных стрессом из-за его проведения. Она грустно улыбнулась. – Ты остался, чтобы поговорить с наездницей?

Он быстро кивнул и заглянул ей за спину.

– Боюсь, она ушла через заднюю дверь, которая ведёт к парковке. Она торопилась назад на Остров. Можешь проверить спортзал, если хочешь, – добавила мисс Бантресс, верно истолковав недоверие Скандара. – А после этого я настоятельно прошу тебя пойти домой.

Скандар забежал в пустой спортивный зал с рядами парт и большими часами, опасно поставленными на баскетбольное кольцо. Убедившись, что здесь нет ни души, он без сил опустился за один из деревянных столов и разрыдался.

Трудно сказать, сколько он так просидел, обхватив голову руками. Но в какой-то момент кто-то обнял его сзади за плечи, и на его мокрую щеку упала прядь.

– Идём, Скар, – ласково сказала Кенна. – Пошли домой.

* * *

Много часов спустя Скандар проснулся в темноте, в их с Кенной комнате. Секунду он не мог понять, почему полностью одет, а в глаза будто насыпали песка. Потом он вспомнил, что плакал. Вспомнил, что его не пустили на инкубаторский экзамен. И что теперь, даже если ему *был* предназначен единорог, его не окажется рядом, когда тот вылупится. Его единорог появится на свет совершенно один, дикий и неукрощённый, и превратится в чудовище. Вот что самое ужасное.

Он включил лампу – и тут же об этом пожалел. Плакат с Морозом Новой Эры засверкал в её ярком свете – начищенные доспехи, бугрящиеся мускулы, горящие угрозой глаза. Скандар уже никогда не узнает, что на самом деле произошло на Кубке Хаоса. И – если, конечно, Остров не решит просветить британцев – кто такой Ткач. И что стало с Морозом Новой Эры.

Кенна и папа тихо разговаривали. Когда они в последний раз обращались друг к другу с такой мягкостью в голосе? Скандар не сомневался, что они говорят о нём. Он чувствовал себя разбитым, когда Кенна увела его из спортивного зала, но дома всё стало ещё хуже. Кенна и Скандар набросились на папу с вопросами, потребовав объяснить, почему он не сказал, что Скандару запретили сдавать экзамен, почему не предупредил, что его ждёт в школе.

Папа опустил глаза и ответил, что не смог найти подходящие слова, что пытался намекнуть утром, что звонивший из отдела по связям с наездниками ничего толком не объяснил, но дал понять, что решение окончательное, и что он сожалеет, что ему не хватило смелости сказать им правду. Папа зарыдал, следом за ним Кенна, а Скандар и не переставал плакать – и так они и стояли в коридоре, заливаясь слезами.

Скандар посмотрел на часы: одиннадцать вечера. Из коридора донеслись шаги Кенны, и он торопливо выключил свет. Ему не хотелось говорить. Он вообще уже ничего не хотел. Разве чтобы была мама. Хоть он её и не помнил, сейчас она была ему нужна как никогда. Может, будь она жива, подсказала бы, что ему делать теперь, когда в его будущем уже точно нет места единорогам. Но её не было. И никогда не будет. Всё, что у него было, – это мечта когда-нибудь стать наездником единорога, а теперь её не стало. И он закрыл глаза – а что ещё ему оставалось?

* * *

Скандара разбудили пять громких ударов в дверь. Он сел и различил на кровати напротив силуэт тоже проснувшейся Кенны.

– Кто-то пришёл? – шёпотом спросил он.

Но зачем стучать? У них есть домофон.

– Может, кто-то случайно захлопнул дверь, забыв ключ? – тихо предположила Кенна.

Кто бы это ни был, он опять постучал пять раз.

– Я схожу. – Кенна встала и натянула худи поверх пижамы.

– Который час? – простонал Скандар.

– Почти полночь, – прошептала Кенна и прошлёпала босиком в коридор.

Почти полночь?! Полночь после инкубаторского экзамена? Та самая полночь, когда тысячи семей по всей стране не спят в ожидании, вдруг именно их ребёнок окажется достоин вызова на Остров, чтобы дотронуться до двери знаменитого Инкубатора?!

– Кенна! Подожди!

Скандар слышал, как она отпирает задвижки, мыча себе под нос, как всегда делает, когда нервничает или чего-то побаивается. Вскочив с постели – всё ещё в школьной форме, – он бросился из комнаты.

Сестра была не одна.

В дверном проёме, подсвеченная флуоресцентной лампой лестничной площадки, стояла женщина. Первое, что заметил Скандар, – это белые шрамы от ожогов у неё на щеках, практически сгладившие скулы и мышцы лица – так мало неповреждённой кожи на них осталось. Затем он обратил внимание на её высокий рост и исходящее от неё ощущение необъяснимой угрозы, её взгляд метался по сторонам, вбирая всё вокруг, волосы с проседью, затянутые в неаккуратный узел на затылке, прибавляли ей ещё несколько сантиметров. Ей в пору было командовать пиратским кораблём, и Скандар почти расстроился, не увидев в её руке сабли.

– Вы что-то хотели? – отважно спросила Кенна. Её голос лишь слегка дрожал.

Но женщина на неё не смотрела. Её немигающий взгляд упёрся в Скандара.

– Скандар Смит? – спросила она хриплым, надтреснутым голосом, будто очень давно ни с кем не говорила.

Он кивнул и от волнения затараторил:

– Вам что-то нужно? У вас что-то случилось? Сейчас середина ночи.

– Не просто середина ночи. Сейчас полночь, – мотнула головой женщина и сделала кое-что совершенно неожиданное – она подмигнула. Потом произнесла слова, которые Скандар уже отчаялся услышать: – Остров зовёт тебя, Скандар Смит.

Скандар едва смел дышать. Это сон?!

Тишину нарушила Кенна:

– Это невозможно. Скандар не принимал участие в инкубаторском экзамене, а значит, не мог его сдать. Остров не мог его вызвать. Это какая-то ошибка. – Она скрестила руки на груди, забыв о страхе.

Скандар про себя застонал: неужели она не могла промолчать?! Даже если это ошибка – он только рад. Если из-за неё он попадёт на Остров, то что такого? Сейчас ему нет никакого дела до честности или справедливости. Он хотел одного – коснуться двери Инкубатора, и ему глубоко плевать, как он до неё доберётся.

Женщина снова заговорила, понизив голос, будто опасалась, что её могут подслушать посторонние:

– В отделе по связям с наездниками знают, что Скандар утром не прошёл на экзамен. И мы приносим извинения за недоразумение. Дело в том, что мы уже несколько месяцев наблюдали за ним, запрашивали у школы его оценки – это не такая уж редкая практика в отношении перспективных кандидатов, – поэтому ему не было необходимости сдавать экзамен.

Скандар практически чувствовал исходящие от Кенны волны недоверия.

– Но я... в прошлом году у меня оценки были лучше, чем у него, и я *сдавала* экзамен. И меня не позвали. Где здесь логика?

– Мне очень жаль, – сказала женщина, и Скандару показалось, что она говорила искренне. – Но Скандар особенный. Его отобрали.

– Я вам не верю, – едва слышно прошептала Кенна. Скандар хорошо знал сестру, чтобы понять, что она едва сдерживает слёзы.

– Куда его отобрали? – раздался позади них хриплый со сна голос.

Незнакомка протянула папе руку:

– Рада познакомиться. Роберт, не так ли?

Он согласно кивнул, потирая глаз:

– Вы что-то хотели?

– Мы говорили по телефону, – напомнила женщина, опуская руку.

Глаза Скандара зацепились за что-то на её правой ладони, и у него ёкнуло сердце. У неё была татуировка наездника! Он много раз их видел, в книгах и по телевизору, на руках наездников, когда те махали толпе: тёмный круг посреди ладони с пятью линиями, отходящими от него к кончикам пальцев. Но наездники не работали в отделе по связям.

– Так это вы сказали мне, что мой сын не допускается до инкубаторского экзамена? Да, я узнал ваш голос. – Скандар услышал в папином тоне сердитые нотки.

Незнакомка словно не заметила его нахмуренных бровей и поджатых губ. Или намеренно их проигнорировала.

– Разрешите зайти на минутку? Нам со Скандаром скоро нужно отправляться.

– О, хотите зайти, значит? – Папа скрестил руки на груди. – Ну ещё бы. Вот только Скандар с вами никуда не пойдёт.

– Пап, пожалуйста, – прошептал Скандар. – Она сказала, что меня вызывают на Остров.

– Я всё объясню. – Она обернулась, и выбившиеся из узла пряди волос скользнули по её обожжённым щекам. – Но не здесь – это конфиденциальная информация.

Этого оказалось достаточно, чтобы убедить папу хотя бы впустить её на порог.

– Полнейшая безответственность, – ворчал он, ведя её на кухню. – Сначала вы звоните и заявляете, что Скандару нельзя сдавать экзамен, а теперь выходит, что он всё-таки едет на Остров? С вашим отделом не соскучишься.

Папа налил себе стакан молока, не предложив ничего их гостю. Кенна догадалась включить свет.

– Мы приносим извинения, что не объяснили всё вовремя, – быстро заговорила женщина. Она так и не села, но стиснула белыми узловатыми пальцами спинку одного из стульев. – Скандару не нужно было сдавать экзамен, потому что он уже успел себя проявить. И, как я уже сказала, он – особый случай. – Её взгляд бегал по кухне, словно она очень торопилась уйти. Или искала ближайший выход.

– Я знал, что это ошибка, – внезапно заулыбался папа и повернулся к Скандару: – Я всегда говорил, что из тебя точно выйдет наездник. Верно, сын?

Скандар попытался встретиться глазами с Кенной, но сестра ожесточённо кусала ногти, не глядя ни на кого из них.

– Ты собрался? – резким тоном спросила женщина Скандара.

– Э-эм... нет, – мотнул он головой. – Я не думал, что у меня есть шанс...

– У нас мало времени, – отрезала женщина, и Скандару послышалась нотка паники в её голосе. – Беги за вещами. Никаких телефонов и компьютеров, помнишь? Ты знаешь правила.

– Конечно, – кивнул он и с колотящимся сердцем побежал к себе в комнату.

Британцам запрещалось привозить на Остров технику. Связь с родными поддерживалась через письма, которые доставляли два отдела по связям с наездниками – один на территории страны и один на Острове. Скандар не имел ничего против. Мобильный телефон для него был лишним доказательством его положения изгоя в школе – так какой резон брать его с собой на Остров? И он с радостью бросил его в ящик стола.

Скандар услышал, как Кенна прошлёпала за ним босиком по линолеуму, пока папа разглагольствовал на кухне:

– Вы теперь поедете к Уффингтону? Признаться, у меня от этого мелового единорога на холмах всегда бежали мурашки по коже. Какой-то он призрачный, согласитесь? Хотя вам же надо где-то сажать вертолёты. Где ваша машина, за углом?

– Вроде того, – донёсся до ушей Скандара уклончивый ответ женщины.

– А знаете, вы мне кажетесь знакомой. Вы местная? Такое чувство, будто я вас...

Кенна закрыла дверь спальни, оборвав голоса. Скандар тем временем доставал из ящиков комода первую попавшуюся одежду и набивал ею школьный рюкзак.

– Скар, тебе не стоит с ней идти, – прошептала Кенна, пока он запихивал туда же альбом для рисования и книги об Острове. – Это какая-то ерунда! Все тринадцатилетние граждане должны успешно сдать экзамен, чтобы их вызвали на Остров, – так гласит Договор! Я не думаю, что она работает в отделе по связям с наездниками. Ты видел её ожоги, сбитые костяшки? Будто она недавно с кем-то дралась!

Скандар застегнул молнию на рюкзаке:

– Хватит психовать, ладно? Всё по-настоящему! Меня вызвали, у меня будет шанс коснуться двери Инкубатора...

– Кучу людей отправляют назад. Вряд ли дверь перед тобой откроется, тем более что ты не сдавал экзамен. И всё будет впустую.

Её обидные слова поразили Скандара в самое сердце, и он взъярился:

– Ты что, не можешь просто за меня порадоваться, Кенн? Это так сложно? Я всегда мечтал...

– Это я всегда об этом мечтала! – практически выкрикнула она. – Это нечестно! Я остаюсь здесь, а...

– Ты сама сказала – вряд ли я смогу открыть дверь. Я вернусь домой, и ты скажешь мне: «Я же тебе говорила».

Скандар уже сам едва сдерживал слёзы и со злостью принялся сдирать с себя школьную форму, чтобы переодеться в джинсы и чёрное худи.

– Скар, я не хотела...

– Ты хотела. – Скандар со вздохом забросил за плечо рюкзак. – Но ничего страшного. Я всё понимаю.

Кенна бросилась к нему и, всхлипывая, крепко обняла – вместе с рюкзаком:

– Я рада за тебя, Скар. Правда. Мне просто обидно, что я не могу отправиться с тобой. И я не хочу, чтобы ты уезжал, не хочу оставаться здесь без тебя.

Скандар не знал, что на это ответить. Ему тоже хотелось, чтобы Кенна поехала с ним: он не представлял себя без неё. Он сглотнул вставший в горле комок:

– Если я открою дверь – я напишу сразу, как нас заселят. У меня с собой альбом, я буду всё для тебя зарисовывать. Обещаю. Я понимаю, это не то же самое, но...

Она вдруг отпустила его и вытащила из-под кровати коробку с мамиными вещами.

– Кенн, мне пора! – сказал Скандар срывающимся голосом. – Времени нет.

– Возьми его. – Кенна протянула ему чёрный шарф.

– Ты не обязана...

Скандар знал, что сестра часто ложилась с ним спать, особенно когда ей было грустно. Она даже пришила к нему именную бирку «Собственность Кенны Э. Смит» на случай его пропажи.

Не слушая, она нетерпеливо обмотала шарф вокруг шеи брата и улыбнулась сквозь слёзы:

– Мама бы хотела, чтобы ты взял его на Остров. Представь, как бы она обрадовалась, если бы знала, что он на тебе, пока ты верхом на единороге. Она будет так тобой гордиться.

На последнем слове она всхлипнула, и Скандар, крепко обняв сестру, прошептал ей в волосы:

– Спасибо.

А несколько секунд спустя он уже обнимал папу.

– Постарайся. Постарайся ради Кенны, ладно? – шепнул Скандар ему на ухо и почувствовал щекой, что папа кивает.

Незнакомка наблюдала за тем, как Кенна без конца поправляет чёрный шарф на шее Скандара, будто никак не может решиться расстаться с ними обоими. Сестра заплакала, когда Скандар помахал на прощание из-за двери и отвернулся: ему было так грустно, он чувствовал себя таким виноватым – и в то же время находился на седьмом небе, – что почти убедил себя остаться и разобраться, правильно ли поступает. Но женщина уже скрылась из виду в уходящих вниз бесконечных лестничных пролётах, и Скандар, боясь отстать, заставил себя зашагать вниз от квартиры 207.

– Вы не та, за кого себя выдаёте, верно? – спросил он, когда они вышли из подъезда.

– Вот как? – Женщина повернула, и в свете мигающего фонаря шрамы на её щеках заблестели.

– Да, – не отступил Скандар, следуя за ней за угол их многоэтажного дома. – Вы наездница.

Они дошли до входа в общественный сад.

– Неужели? – фыркнула она. Это было первое подобие улыбки на её лице – похоже, под открытым небом она не чувствовала себя такой напряжённой.

Скандар, растерянно хмурясь, зашёл за ней внутрь:

– Мы вроде должны ехать к белому единорогу? В Уффингтон? Это ведь там садятся вертолёты, чтобы отвезти новых наездников на Остров?

Женщина широко улыбнулась, и Скандар отметил, что у неё недостаёт нескольких зубов.

И от этой неровной улыбки он занервничал ещё сильнее.

– Ты задаёшь много вопросов, Скандар Смит.

– Просто я...

Она усмехнулась и похлопала его по плечу:

- Не переживай. Я припарковалась здесь.
- Вы припарковались в саду?! Не думаю, что это...
- Ну, он же всё-таки не машина, – перебила женщина и указала вперёд...
...на стоящего между старыми скрипучими качелями и изрисованной граффити скамейкой единорога.

Глава четвёртая. Зеркальные утёсы

Скандар едва не бросился наутёк. Едва. Единорогам категорически, ни при каких обстоятельствах *не* разрешалось ступать на территорию Великобритании. Никогда. Так сказано в Договоре, и это один из самых важных его пунктов. И всё же он был здесь, стоял посреди общественного сада многоэтажного жилого дома «Закатные высоты» в Маргейте. Женщина – *наездница* – решительно подошла к чудовищу. Вживую единорог казался намного крупнее, и его настрой никак нельзя было назвать дружелюбным. Он фыркал, бил по земле гигантским копытом и мотал из стороны в сторону белой головой с острым, как кинжал, рогом, и это выглядел намного опаснее, чем на телевизионном экране. Дополняла устрашающую картину алая кровь на его зубах.

– Что я тебе говорила насчёт поедания местной живности? – проворчала женщина, отпихивая что-то ногой, и Скандару очень хотелось верить, что это *не* останки рыжего кота из квартиры 211.

При виде первого единорога в реальной жизни его в равной степени охватили страх и восхищение.

– Может, объясните, что тут происходит? Вы... он... – не выдержав, указал он на единорога. – Его здесь не должно быть!

При этих словах налитые кровью глаза чудовища сузились, и откуда-то из его нутра донёсся глухой рык. Женщина погладила его по огромной шее.

– Я хочу сказать... – тут же сбавил тон Скандар, – я даже имени вашего не знаю.

Она вздохнула:

– Я Агата. А это Лебединая Песнь Арктики – я зову его Лебедем. И нет, я не местная и не работаю в отделе связей с наездниками. – Агата пошла назад к Скандару.

Тот сделал шаг назад.

Агата развела руками:

– Ты мне не доверяешь, и это справедливо.

Из горла Скандара вырвалось что-то между кашлем и смехом.

– Конечно, я вам не доверяю! Вы позвонили в мою школу, чтобы меня не допустили к экзамену, а теперь говорите, что я всё равно попаду к Инкубатору. Почему вы просто не дали мне сдать экзамен – это было бы явно проще, чем всё это, – махнул он в сторону Лебединой Песни Арктики.

– Ты бы его провалил, Скандар.

Из его лёгких будто выбило весь воздух.

– Откуда вам знать?

Агата вздохнула:

– Я понимаю, это всё кажется подозрительным, но обещаю тебе... – Её тёмные глаза сверкнули. – Я не желаю тебе зла. Я лишь хочу, чтобы ты оказался сегодня у Инкубатора и на рассвете коснулся двери. Как все остальные.

– Но зачем? – удивился Скандар. – Раз я всё равно бы провалил экзамен, то дверь передо мной не откроется, так? Вы нарушили все существующие правила, прилетев сюда на единороге, – и ради чего?

– Экзамен работает немного не так, как ты себе это представляешь, – пробормотала Агата. – Забудь все, чему тебя учили, к тебе все эти правила не относятся. Ты... особенный.

Особенный? В это было сложно поверить. За всю свою жизнь он никогда не чувствовал себя особенным – так с чего бы начинать теперь?

И однако же он каким-то образом оказался здесь, напротив единорога, и ему выпал шанс добраться до Инкубатора. Если Агата отвезёт его на Остров и перед ним действительно

откроется дверь Инкубатора, то какое кому будет дело, что он не ступал на меловые полосы белого единорога вместе с другими юными британцами, отобранными в качестве потенциальных наездников, и не долетел до Острова «привычным» способом? Может, таков *их* путь, а у него был другой, но дарёному коню, как говорится, в зубы не смотрят. В конце концов, он всю жизнь старался быть как все, и ничего путного из этого пока так и не получилось.

Поэтому Скандар задал вопрос совсем другого толка, достойный смельчака:

– Мы полетим на нём?

– Лебедю хватит сил нести двоих. – Агата подняла глаза к небу. Если она и заметила перемену в его настроении, то комментировать не стала. – И кстати говоря, нам пора. Иди рядом со мной, и он не будет против.

Агата повела его к белому единорогу. Тот с любопытством наблюдал за ними, продолжая исторгать угрожающие рычащие звуки, и вся храбрость Скандара моментально испарилась. Он сглотнул, ещё раз и ещё. Ему всё кажется. Этого просто не может происходить на самом деле.

– Я заберусь первой и посажу тебя за собой, ладно? Только не разводи сильно ноги: у Лебеда слабость к коленным чашечкам.

С этими словами Агата встала на железную изгородь и запрыгнула на спину исполина. Её смех был глух и раскатист, почти как рычание её единорога.

У Скандара пересохло в горле, лоб покрылся испариной, несмотря на прохладу ночного воздуха, пока он по её примеру лез на изгородь. Редко проходил день, когда бы он не воображал себя верхом на единороге – но только не так. Не посреди ночи, позади своего дома, в компании женщины, о которой он не знал ничего, кроме имени. И она что, всерьёз сказала, что Лебедь может откусить ему колени, или пошутила? Но раздумывать было уже поздно: Агата усадила его на спину единорога, и Скандар ощутил прилив небывалого восторга.

Он чувствовал сквозь джинсы тепло боков зверя, раздувающихся от каждого вздоха. Всё шло неплохо, пока Лебедь стоял, но, когда он зашагал, Скандар опасно заскользил вбок, но, к счастью, успел ухватиться за кожаную куртку Агаты и выровняться.

– Места здесь маловато, – бросила Агата через плечо, – поэтому взлёт будет довольно крутой. Держись крепко за мою талию: если упадёшь в воздухе, я вряд ли смогу что-то сделать. Не хочется, чтобы все эти труды оказались напрасными! – Её смех отразился эхом от стен соседних зданий.

Единорог попятился в дальний угол, и вдруг они с места рванули в галоп, и копыта Лебеда забухали по высушенной летним солнцем земле всё быстрее и быстрее. Скандар подбрасывало на широкой спине, и единорогу это наверняка было неприятно – мальчик бы не удивился, если бы Лебедь, потеряв терпение, сбросил его. Но были опасения и посерьёзнее, потому что Скандар ясно представлял, что последует вскоре – не зря же это был его любимейший момент Кубка Хаоса.

Скандару очень хотелось зажмуриться, но он себя переборол. Единорог расправил белые крылья и ритмично ими забил, быстро ускоряясь. Но расстояние до изгороди, напротив, неумолимо сокращалось, и у Скандара уже сжалось сердце от мысли, что они не успеют, как вдруг...

Его словно дёрнули вверх невидимым крюком под дых, и в следующий миг они уже были в воздухе и пронесли над изгородью, оставив позади скамейку и качели. И дом Скандара. Лебедь, нацелив рог на луну, продолжал набирать высоту, натужно взмахивая крыльями в борьбе с воздушными потоками, рассекая их с глухим звуком, будто под водой, и Скандар вжался ему в спину и мёртвой хваткой вцепился в Агату. Ветер безжалостно трепал волосы, в ушах свистело.

Но как только Лебедь выровнялся, взмахи крыльев стали такими плавными, что Скандар почти расслабился и смог снова переключить внимание на сидящую перед ним загадочную Агату. С одной стороны, она располагала к себе, особенно своим непринуждённым смехом и подмигиванием, но было в ней что-то таинственное, даже, возможно, опасное, и Скандар пре-

красно осознавал, что этот полёт, вполне вероятно, закончится для него крупными неприятностями. Но стоило ему увидеть подмигивающие огоньки прибрежной полосы Маргейта – и все тревоги вылетели из головы. Скандару хотелось кричать то от счастья, то от страха – каждый взмах крыльев будто переключал в нём какой-то тумблер.

Он потерял счёт времени. Весь мир сузился до тёмного неба, ветра и пульсирующих мышц единорога.

– Посмотри вниз! – крикнула Агата, когда они вынырнули из облака.

А «вниз» было *очень* далеко, но это не помешало ему узнать мелового единорога на склоне рядом с Уффингтоном. В свете луны он, казалось, и сам излучал белое сияние. Скандару с трудом верилось, что многие столетия британцы считали этот доисторический памятник белой лошадьё. Лишь когда Остров объявил о себе миру, истинная сущность мелового чудища была раскрыта.

Лебедь по указу Агаты держался облаков, чтобы их не увидели, но Скандар успел заметить, что внизу очень оживлённо. Ближайшая дорога была залита светом фар верениц автомобилей, на склоне холма горели факелы, отбрасывающие человеческие тени на меловые полосы памятника. Большинство их принадлежали сотрудникам отдела по связям с наездниками, полицейским, заядлым фанатам единорогов и журналистам, надеющимся взять интервью у новых потенциальных наездников. Но были среди них и те самые тринадцатилетние подростки, с волнением ожидающие рассвета в день летнего солнцестояния и своей очереди коснуться двери Инкубатора. Скандар столько раз представлял себе это: как он будет стоять там, в испачканных мелом кроссовках, и ждать вертолёт, который повезёт его к Острову.

– Вертолёты ещё не прилетели! – прокричала, обернувшись, Агата. – Это хорошо: мы обгоним их у Зеркальных утёсов!

Скандар впервые о них слышал. Призрачный силуэт единорога на земле остался позади, и на сердце стало немного грустно. Он точно не жалел, что летел на настоящем единороге – уж лучше так, чем завтра снова идти в школу! – но ему стало немного обидно за Кенну. Но он обязательно ей напишет и обо всём расскажет. Если он станет наездником, если перед ним откроется дверь...

Потом они летели над морем, и ветра здесь дули такие суровые, что о разговорах не могло быть и речи. У Скандара окончели руки, и он мысленно поблагодарил сестру за мамин шарф, который не просто согревал, но и дарил ощущение безопасности, словно она была рядом.

Внезапно Лебедь начал снижение по направлению к волнам. Скандар сощурился, пытаясь разглядеть в темноте хоть какой-то намёк на сушу, но вокруг не было ничего, кроме солёных брызг и запаха моря. Не понимая, что происходит, он крепче ухватился за талию Агаты. Они что, сейчас нырнут в воду?! Как-то не верилось, что Агата потратила столько сил, только чтобы его утопить. Маргейт и так стоял на берегу, даже улетать никуда не надо было! Он зажмурился, приготовившись к удару.

Но его не последовало. Судя по хрусту под копытами единорога, они приземлились на что-то вроде щебёнки. Единственным источником света здесь был одинокий фонарь, висящий на углу крошечной деревянной пристани в нескольких метрах от них. Чувствуя, как под ногами раздуваются бока от учащённого дыхания уставшего после долгого полёта Лебеда, Скандар выглянул за его расправленное крыло и увидел галечный пляж.

Агата спрыгнула со спины единорога.

– Ты тоже, Скандар, дай ему отдохнуть, – приказала она, бесцеремонно сдёрнув его вниз. Скандар неуклюже плюхнулся на гальку.

Агата пошла навстречу нахлёстывающим на берег волнам и бесконечному шороху трущихся друг о друга камешков и сорвала с угла пристани фонарь. Когда она вернулась, его свет выхватил из теней три смазанные фигуры – женщину, единорога и мальчика, вынудив Скандара резко повернуть голову в их сторону.

Агата заметила это и тихо усмехнулась:

– Это Зеркальные утёсы, а мы сейчас на Рыбацком пляже. Причалить сюда крайне сложно, если не знаешь, что ищешь: со стороны ты видишь одно сплошное отражение моря. Ещё и течения такие, что не подпускают лодки. Островные моряки годами учатся их укрощать. Британцам нравится думать, будто они знают все наши секреты, но на деле же им известно лишь то, чем мы сами решили с ними поделиться. И скоро ты в этом убедишься.

За грохотом волн послышался новый звук, и Агата встревоженно нахмурилась:

– Вертолёты. У нас осталось мало времени. Слушай внимательно. Сделаешь, как я скажу, – и всё будет в порядке. За мной.

В её тоне отчётливо зазвучал страх, и у Скандара сжался желудок: как-то не похоже, что она сама верит своему обещанию.

Когда Скандар прошёл мимо единорога, Лебедь зарычал на него. Было немного странно идти навстречу собственному отражению, и Скандар вместо этого старался смотреть в спину женщине.

Подойдя к подножию одного из утёсов, Агата присела на корточки, и Скандар последовал её примеру, иначе за шумом моря он бы и слова не разобрал.

– Слышишь их? – шёпотом спросила Агата.

Скандар прислушался – и вскоре действительно различил тихий гул голосов, доносящийся откуда-то сверху.

– Прямо над нами Инкубатор, – тихо пояснила Агата. – Через несколько секунд эти вертолёты приземлятся на обрыве и высадят британцев.

Скандар кивнул.

– Тебе нужно подняться вверх и смешаться с толпой, понял меня? – быстро, явно торопясь, заговорила Агата. – Если кто спросит – скажешь, что прилетел сюда на Блитцене.

– Блитцене?

– В отделе по связям с наездниками вертолётам дали кодовые имена в честь оленей Санта-Клауса. Видимо, шутка такая. Суть в том, что Блитцена пилотирует моя подруга. Она внесёт тебя в нужный список.

– Ладно, – кивнул Скандар, его решительный настрой начал давать сбой. – Я полечу на Лебеде?

– Не говори ерунды. Мне нужно убраться отсюда: я не получала разрешения на визит в Великобританию, – обрubiла Агата, терпение которой, похоже, закончилось вместе с появлением вертолётов.

Но Скандар не мог просто так отпустить её, так ничего и не выяснив:

– Но зачем вы меня сюда привезли? Вы так и не объяснили!

Агата на краткий миг закрыла глаза:

– Твоя мама попросила меня присмотреть за тобой.

Сердце Скандара подпрыгнуло к горлу.

– Но как?! Она же... она умерла. Вскоре после моего рождения. – Он ненавидел говорить об этом, хотя умом понимал, что давно пора привыкнуть.

– Она попросила об этом много лет назад, – грустно улыбнулась Агата. – Ещё когда всё было иначе.

– Но откуда вы её знали? – в отчаянии спросил Скандар. – Вы же островитянка... разве нет? И если это правда, почему вы не прилетели за Кенной в прошлом году?

Один из вертолётов завис над утёсом и скрылся за краем обрыва, приземляясь. Агата пропустила мимо ушей вопросы Скандара и продолжила:

– В склон вмонтированы металлические кольца. – Она приблизила фонарь к зеркальной поверхности и постучала по одному кольцу, затем по другому, выше. – По ним и поднимешься.

Скандар с трудом сглотнул, договорив про себя: «...к двери Инкубатора».

– Послушай, Скандар, – Агата то и дело посматривала вверх, – ты видел Ткача во время Кубка Хаоса? Смотрел трансляцию?

– Да, – пробормотал Скандар. – Все смотрели гонку.

– Остров, как обычно, старается всё замять, но с Ткачом что-то не то. Что-то изменилось. Заявить вот так о себе у всех на глазах... Пойти на такой большой риск... Не представляю, что происходит, но я знаю одно: теперь, когда в распоряжении Ткача самый могущественный единорог в мире – *победитель* Кубка Хаоса, – никто не может чувствовать себя в безопасности. – Брови Агаты сошлись на переносице, и её лицо помрачнело. – Если кто-то будет говорить, что Великобритании нечего бояться – знай: они себя обманывают. Ты сам видел, как Ткач указал в камеру. Это не случайность. Это прямая угроза.

– Но откуда вы всё это знаете? И зачем вы *мне* об этом рассказываете? – окончательно растерялся Скандар. – Я слыхом не слышал о Ткаче до Кубка!

– Потому что мне хочется верить, что тебя не перестанет волновать судьба Британских островов даже после того, как ты станешь наездником. Я наблюдала за тобой и думаю, что знаю, какой ты сейчас, каким человеком вырастешь. Ты другой, Скандар, и у тебя доброе сердце. Добрее, чем у меня.

– Но я совсем не храбрый! – воскликнул Скандар. – Если вам нужен герой с широкой душой, вы должны были привезти сюда Кенну, это она...

Агата резко запрокинула голову к ночному небу, рассекаемому лучами фонарей вертолётов:

– Мне пора – нельзя, чтобы меня поймали. Прости. Надеюсь, мы ещё когда-нибудь встретимся.

– Я тоже, – искренне отозвался Скандар, хотя она и ошиблась на его счёт. Но если бы не Агата, он бы сейчас спал дома.

– Ой, чуть не забыла! – Агата достала из кармана стеклянную баночку. – Может, она тебе и не понадобится, но на всякий случай. Спрячь её, – добавила она, когда Скандар замешкался, пытаясь разглядеть содержимое.

На беглый взгляд это была какая-то густая чёрная паста. Он убрал банку в карман.

Над ними пронёсся вертолёт, и они оба пригнулись и вжались в склон.

– Улетайте, – поторопил Скандар, заметив мелькнувший в её глазах страх. – Со мной всё будет нормально.

– Не сомневаюсь, – подмигнула Агата, развернулась и побежала назад по гальке. Запрыгнув на Лебеда, она вскинула на прощание руку и швырнула фонарь в море.

Пляж погрузился в темноту.

Следующий вертолёт прожужжал над пляжем и приземлился на вершину Зеркальных утёсов.

Скандар сделал глубокий вдох и начал восхождение. Но подняться успел всего на несколько колец, когда внизу кто-то закричал приказным тоном:

– На землю и руки вверх!

В одну секунду берег залило ярким светом. Агату и Лебеда окружили единороги, лица их наездников были скрыты под серебряными масками. Скандар оцепенел от страха и беспомощно смотрел, как Агата и Лебедь пытаются прорваться сквозь кольцо.

Трое наездников в масках спрыгнули на землю и под протестующее ржание Лебеда сдёрнули Агату с его спины. В следующий миг на неё и белого единорога обрушился целый шквал огненных, водных, воздушных и земных атак. Когда сияние магии рассеялось, Скандар увидел, что женщина и её единорог лежат на гальке неподвижными.

Скандар проглотил рвущийся из груди вопль. Он хотел помочь им, но понимал, что не справится даже с одним из этих наездников в серебряных масках. Сообразив, что на склоне его видно как на ладони, Скандар снова полез вверх, всё быстрее перебирая руками и ногами,

и не сбавил скорости, пока не достиг последнего кольца. Мысленно он цеплялся за отчаянную надежду, что Агата и Лебединая Песнь Арктики лишь ранены, а не... Даже думать об этом было страшно. Подтянувшись, Скандар перевалился за край обрыва и, ощущая себя пингином, плюхнулся животом на сочную зелёную траву.

Поднявшись, он торопливо отряхнулся и постарался придать себе приличный вид, чтобы при взгляде на него никто не подумал, что перед ними недавний пассажир единорога, нелегально прилетевший из Великобритании, наблюдавший арест и взобравшийся по склону. Ему повезло: наверху было полно людей и проступившая в предрассветных сумерках очередь до двери Инкубатора тянулась до середины травянистой вершины утёса. Скандар быстро зашагал в конец очереди, терзаемый мыслью, что как-то всё это оказалось слишком просто.

– А ну, стой!

У него ёкнуло сердце. К нему направлялась молодая женщина, одетая во всё чёрное, не считая короткой жёлтой куртки. Такова была стандартная форма всех наездников: чёрные штаны, чёрные ботинки, чёрная футболка и куртка цвета сезонной стихии. Скандар сглотнул и постарался не выглядеть как человек, переживающий самую невероятную ночь в своей жизни.

– Ты из какого вертолёта? – спросила женщина. – Не помню, чтобы я тебя отмечала.

– О, – выдохнул Скандар и постарался успокоиться – его и так уже бросило в пот. Кодовое имя вертолёта. Который из оленей? Он припомнил песенку про Рудольфа, красноногого оленя, хотя петь её, даже мысленно, в июне было странно. Комета и Кьюпид, Доннер и... – Блитцен. Вертолёт Блитцен. – Про себя он поблагодарил Агату и взмолился, чтобы его красноречиво вспыхнувшие щёки остались незамеченными.

– А зовут тебя... – Удивительно, как ей удавалось казаться одновременно и нетерпеливой, и умирающей от скуки.

– Скандар С-Смит.

Женщина опустила голову, достала из кармана сложенный лист бумаги и каким-то непостижимым образом вычеркнула его имя. Скандар потрясённо уставился на кончик её карандаша, всё ещё не веря до конца, что у него всё получилось.

– Чего ждём?! – рявкнула она. – Иди в конец, вперёд не лезь и больше не броди. Скоро рассвет.

Она отвернулась, её распущенные волосы скользнули по плечам, и Скандар обратил внимание на значок с золотым пламенем, символом её основного элемента, блеснувший на жёлтом лацкане.

Скандар поспешил присоединиться к очереди и впервые внимательно осмотрелся. Вершина утёса только у края обрыва была плоской: первые из потенциальных наездников стояли в тени зелёного холма. Он читал, что некоторые тринадцатилетние островитяне ставили здесь палатки за несколько дней до церемонии, только чтобы оказаться среди первых, кто коснётся двери и войдёт к ожидающим внутри единорогам.

Инкубатор напоминал огромный одинокий курган, заросший травой, и его силуэт только-только начал проступать из ночной темноты. Со своего места Скандар мог разглядеть большой гранитный круг, врубленный в бок кургана и подсвеченный с двух сторон фонарями. Дверь в Инкубатор выглядела очень древней. И наглухо закрытой.

Ещё один наездник в чёрной форме заставил Скандара подвинуться вперёд, и он практически ткнулся носом в шею стоящего перед ним мальчика. Многие зашикали, призывая к тишине. Скандар подумал о вертолётах, стоящих на краю обрыва подобно нахохленным металлическим птицам в ожидании тех британцев, перед кем дверь не откроется и которых они повезут назад домой, и его пульс резко участился.

Кто-то врезался в Скандара сзади, и он, вскрикнув, развернулся и оказался лицом к лицу с девочкой с коротким каре прямых каштановых волос и очень смуглой кожей. Она уставилась на него тёмными и непоколебимыми глазами из-под густой чёлки и не извинилась.

– Я Бобби Бруна, – сообщила она, наклонив голову набок. И очень серьёзно добавила: – На самом деле меня зовут Роберта, но только попробуй меня так назвать – и я столкну тебя с обрыва.

– Ясно. Это... э-эм... ладно. Я Скандар Смит.

– Не помню тебя у белого единорога. – Она с подозрением сощурилась.

– Я легко теряюсь в толпе, – ответил Скандар, постаравшись придать голосу непринуждённости. Это даже не было ложью.

– Слышала, ты прилетел на Блитцене?

– Да ну? – невольно огрызнулся Скандар, хотя был не в том положении, чтобы качать права. Скорее ему стоило помалкивать. – Ты что, шпионишь за мной?

Бобби пожала плечами:

– Надо же оценить конкурентов. – Ногти больших пальцев её крепко сжатых в кулаки рук, поблёскивали фиолетовым лаком. – Но речь не об этом. Тебя не было в том вертолёте.

– Я там был. – Шея Скандара вспотела под шарфом. Он нервным жестом поправил на плечах рюкзак.

– Не было, – холодно повторила Бобби. – Потому что я летела на нём и тебя не видела. И я бы запомнила имя «Скандар».

– Я же сказал...

Бобби вскинула ладонь к самому его носу:

– Давай без этих «я теряюсь в толпе». Не позорься. У меня практически фотографическая память, и в том вертолёте нас было всего четверо. А ещё ты покраснел.

Скандара затопила паника, и он явно не смог этого скрыть, потому что Бобби опустила руку и сунула в карман.

– Мне всё равно, на каком вертолёте ты прилетел. – Она пожала плечами. – Просто я хочу знать, почему ты врешь.

– Я... – начал Скандар, но в этот момент краем глаза уловил какое-то мерцание.

Из-за Зеркальных утёсов, окрасив небо в розовый цвет, показалось солнце.

– Начинается, – пробормотала Бобби, отворачиваясь.

В следующий миг по очереди пронеслась волна восторженных возгласов: круглая дверь Инкубатора отворилась, впуская первого нового наездника этого года.

Глава пятая. Туннель живых

Скандар и Бобби приближались к двери Инкубатора. К великому облегчению Скандара – молча. Он ума не мог приложить, как так вышло, что первый же человек на Острове, с которым у него завязался нормальный разговор, поймал его на лжи. Точнее, Бобби думала, что он лжёт лишь о том, на каком вертолёте сюда прилетел, но это лишь вопрос времени, когда она сдаст его наездникам.

Скандар заставил себя вдохнуть полной грудью, как всегда делал в школе, когда Оуэн с друзьями становились особенно невыносимыми. Если подумать – ну и что, что она что-то знает? Какое ей до него дело? Может, кто-то из них двоих вообще не сможет открыть дверь Инкубатора – и тогда всё это не будет иметь никакого значения.

До Инкубатора было ещё далеко, и Скандар не видел, что там происходит, но время от времени оттуда доносились радостные крики, означающие, что кто-то открыл дверь. Но стоило паузе затянуться – и желудок Скандара сжимался от мысли: а вдруг ему тоже дадут от ворот поворот?

– Хватит психовать, – прошипела ему на ухо Бобби, когда он замешкался сделать шаг вперёд. – Там вначале почти сплошь островитяне. Они практически все пробуются, забыл? А так как их много, то многих же и отсеивают. Чему вас учат в вашей школе?

Скандар ничего не ответил, боясь, что это повлечёт за собой вопросы об инкубаторском экзамене, который он-то как раз и не сдавал.

Очередь дошла до британцев, и тех, кому не удалось открыть дверь, начали отправлять назад к вертолёткам. Кто-то плакал, кто-то сердито хмурился, другие едва плелись, разочарованно повесив головы.

Стараясь отвлечься, Скандар перевёл взгляд на вершину кургана и теперь, оказавшись вблизи, смог разглядеть на нём единорогов с наездниками в серебряных масках – такие же напали на Агату!

– Что они там наверху делают? – вырвалось у него.

Бобби осуждающе цокнула языком:

– А ты явно из тех, кто птиц с неба не хватает, да?

– Не птиц, а звёзд, и я не с тобой разговаривал, – отрубил Скандар, нервы которого были уже на пределе: он почти мог сосчитать по головам стоящих перед ним. А вдруг эти наездники в масках арестуют его, если выяснится, что он не сдавал экзамен? Может, для этого они там и стоят?

– Так ты сам с собой разговаривал?

– Нет, просто я... размышлял вслух.

Бобби хмыкнула, и Скандар обернулся, ожидая новых расспросов о вертолёте. Но вместо этого она указала на единорогов:

– Это вооружённая охрана. Я тут послушала тихонько, о чём говорят местные. – Она понизила голос до шёпота: – И похоже, они здесь, чтобы охранять нас.

Скандар сглотнул:

– От чего?

– Ой, даже не знаю – может, от того Ткача, о котором все говорят? – закатила она глаза.

Уже оказавшись почти у Инкубатора, Скандар увидел, что справа от двери стоит сурового вида мужчина с планшетом и зачитывает с него имена:

– Представляю вам Аарона Брента!

Длинноногий мальчик, стоящий перед Скандаром, вышел вперёд и смахнул с глаз прядь густых тёмных волос. Скандара кольнула зависть: Аарон, считай, был готовым наездником, не то что он. Ему ничего не стоило представить этого высокого парня триумфально финиширу-

ющим на Кубке Хаоса. Аарон вальяжно подошёл к гранитной двери и надавил на неё ладонью. Ничего. Когда это не сработало, он попытался потянуть её за покатый край. Снова ничего. В отчаянии он забил по двери ногами.

Так продолжалось несколько неловких секунд, пока мужчина с планшетом наконец не развернул Аарона за плечи и не отправил назад. Скандар смотрел, как он идёт к вершине утёса.

– Подойди, – услышал он, но не сдвинулся, всё ещё до глубины души потрясённый этой короткой, но такой ужасной сценой: Аарона просто взяли и отправили домой, будто его и не было. Ну зачем он прилетел сюда с Агатой – этот мужчина, заглянув ему в глаза, тут же поймёт, что Скандар оказался здесь нечестным путём!

У него задрожали колени.

– Подойди, – повторил тот же голос.

Бобби пнула его в лодыжку:

– Пошёл!

Скандар на нетвёрдых ногах направился к мужчине. Вблизи тот выглядел заметно старше, чёрные волосы сильно посеребрила седина, а из-за его худобы казалось, что проступившие скулы сейчас прорвут болезненно-желтоватую кожу.

– Имя?

– Скандар Смит, – пискнул Скандар.

– Ты не мог бы повторить? И поживее, мы тут не на весь день, – поторопил мужчину не терпящим возражений тоном.

– Скандар Смит.

Его тонкие брови сошлись на переносице. Скандар затаив дыхание смотрел, как он проглядывает список. А что, если Агата не до конца всё продумала и им известно, был он на экзамене или нет...

– Представляю вам Скандара Смита! – прогремел мужчина.

Скандар, едва переставляя отяжелевшие, будто налитые свинцом ноги, подошёл к двери Инкубатора. На секунду его охватило безумное желание рвануть назад к вертолётам – тогда он навсегда останется в неведении и сможет мечтать о том, что ему действительно был предназначен единорог, просто они не встретились, потому что Скандар не коснулся двери. Но пристальные взгляды наездников прожигали макушку, и у него не было выбора – только вытянуть руку и прижать ладонь к холодной гранитной поверхности.

Одно невероятно долгое и мучительное мгновение ничего не происходило. В ушах Скандара стоял рёв, не имеющий никакого отношения к бушующему у подножия Зеркальных утёсов морю. Он уставился на дверь, и груз разочарования был таким тяжёлым, что у него подогнулись колени, повисли плечи, и он уже подался назад, собираясь отнять руку, как вдруг услышал скрежет камня и громкий скрип древних петель.

Дверь Инкубатора медленно, но совершенно точно отворялась!

Восторг затопил Скандара всего целиком, от макушки до кончиков пальцев ног, и рисковать он не стал: едва дождавшись достаточного зазора, он протиснулся в круглый дверной проём в объятия царящей внутри тьмы. И ни разу не обернулся.

Тяжёлая дверь снова захлопнулась. Но Скандар был внутри! У него получилось! Он уже наездник! И не важно, как он добрался до Инкубатора, – главное, что где-то здесь есть единорог, который *вместе с ним* ждал этого момента тринадцать лет. Скандар едва мог в это поверить. Пожалуй, какое-то время не стоит даже мысленно произносить слово «наездник», чтобы случайно не сглазить. Скандар без сил сел прямо на холодный камень, опустил голову на руки и дал волю слезам облегчения, усталости и счастья.

Потом он вдруг вспомнил, что если Бобби откроет дверь, то она шагнёт прямо ему на затылок. И хотя они знакомы всего ничего, он не сомневался, что она и глазом не моргнув протопает прямо по нему.

Скандар торопливо вскочил. Глаза успели привыкнуть к полумраку, и он обнаружил себя в конце длинного туннеля, подсвеченного факелами. Ему стало не по себе. Ни в одном учебнике не было описания внутреннего устройства Инкубатора, и он представлял себе всё намного проще: открой дверь, получи яйцо, помоги вылупиться предназначенному тебе единорогу, и – бум! Вы станете партнёрами до конца жизни и будете готовы начать тренировки. Но оказаться в этом жутком туннеле он не ожидал. Как и того, что будет в полном одиночестве. Как же ему хотелось, чтобы Кенна сейчас была с ним! Она ненавидела замкнутые пространства, но это не помешало бы ей для смеха прокричать в глубь туннеля разные глупости, порождая многоголосое эхо.

Но назад пути не было, и Скандар осторожно двинулся вперёд, теребя концы маминого шарфа. Слышно было лишь его дыхание и шорох кроссовок. Через несколько шагов он обратил внимание, что на каменных стенах что-то высечено, и наклонился, присматриваясь. Какие-то слова... нет, не слова, а...

– Имена, – выдохнул он, и в тишине это прозвучало пугающе громко.

Всю поверхность туннеля – стены, пол и даже потолок – покрывали имена. Но зачем и чьи они? Скандар прошёл ещё немного дальше и, к своему удивлению, нашёл знакомое имя: Эма Темплтон, фаворитка Кенны на Кубке Хаоса этого года. Так это всё имена наездников! Его взгляд заметался по строчкам в поисках других знакомых имён, но найти их в этой массе было невозможно: Фредерик Онузо, Тесса Макфарлейн, Тэм Лэнгтон...

У Скандара едва сердце не выпрыгнуло из груди, когда впереди послышался противный скрип, как от ногтей по классной доске, от которого у любого немеют зубы, а по спине бегут мурашки. Кровожадные единороги – это пожалуйста. Но привидения – ну уж нет! Скандар сощурился, глядя в ту сторону, но ничего не увидел. Собрав волю в кулак, он пошёл на звук, хотя ноги и умоляли дать стрекача в противоположном направлении.

Скрип не прекращался, но Скандар никак не мог разглядеть на стенах ничего, что указало бы на его источник, – только имена: Роузи Хиссингтон, Эрика Эверхарт, Элизен Макдональд...

Внезапно ему на глаза попала струйка каменной крошки, посыпавшейся от высекаемой невидимой рукой буквы «т», и всё стало ясно. «Скандар Смит». Имя Скандара отныне значилось среди других, отмеченных в туннеле. Его охватил неудержимый восторг. Всё происходит на самом деле: он наездник и его ждёт единорог!

Он прибавил шагу, и вскоре в конце длинной череды настенных факелов проступила дверь. Точно такая же, что преграждала вход снаружи, но, к счастью, у этой была большая круглая ручка. Чувствуя, как напрягаются мускулы, Скандар потянул на себя тяжёлую гранитную створку, и из-за неё хлынули человеческие голоса – разговоры, смех, какие-то указания... И он шагнул из туннеля навстречу новой жизни.

Первое, что отметил Скандар, – это жар. На смену прохладному каменному туннелю пришла просторная пещера, освещённая сотнями факелов и жарким костром в глубокой яме посреди пола из голой скальной породы. Когда глаза привыкли к свету, он понял, что это не отдельное помещение, а скорее очень широкий коридор, простирающийся вправо и влево от костра, вокруг которого собрались новоиспечённые наездники. Потолок щетинился сотнями острых, как сосульки, сталактитов. На стенах подобно древней наскальной живописи поблёскивали изображения белых единорогов, которые в неровном свете факелов казались почти живыми.

Скандар вдруг почувствовал себя не в своей тарелке и остановился в небольшом отдалении от остальных наездников. Он словно оказался в новом классе, где все уже успели перезнакомиться и подружиться, не оставив ему места в своей компании. Бобби туннель ещё не прошла, да Скандар и не знал, открылась ли перед ней дверь Инкубатора. Она была единственной, с кем он успел наладить хоть какой-то контакт, и будет жаль, если они больше никогда

не увидятся, хотя в этом случае его шансы избежать разоблачения заметно возрастут. Скандар сделал ещё шаг к костру, уговаривая себя, что бояться нечего. Его ждёт новое начало.

Он притормозил, когда до него начали долетать обрывки разговоров островитян. Отличить их от британцев не составляло труда: почти все британцы были в джинсах, как Скандар, и не выпускали из рук наскоро собранные сумки с вещами, выглядели уставшими и взволнованными и сидели далеко от огня – тогда как местные, одетые в свободного кроя чёрные одежды, собрались у самого костра и непринуждённо смеялись и хлопали друг друга по спине.

– Признаться, я ожидала много большего от Туннеля Живых. Сплошные каменные плиты, глаз не на чем остановить, и ещё я бы предпочла, чтобы мы могли выбирать место для наших имен, – говорила девочка с тёмно-каштановыми волосами, бледно-розовыми щеками, усыпанными веснушками, и слегка вздёрнутым носом.

Островитяне слушали её с живым интересом, кивали и поддакивали:

– Ты совершенно права, Эмбер.

– На что уставился?

Скандар не сразу понял, что Эмбер обращалась к нему.

– Я... – Он принялся нервно тереть концы маминого шарфа, борясь с ощущением, будто снова вернулся в стены средней школы Кристчёрч: от волнения перехватило горло, в голове быстро пустело.

Эмбер одарила его снисходительной улыбкой:

– И зачем тебе эта старая тряпка, напоминающая шарф? Какая-то чудная британская традиция? Я бы на твоём месте немедленно от него избавилась. Ты же наверняка *жаждешь* поскорее стать своим среди нас, островитян? Так вот тебе подсказка: у нас в помещениях шарфы не носят. – Она растянула губы в улыбке, хотя это больше походило на оскал акулы за секунду до того, как тобой закусить.

Сидящие рядом с ней островитяне захихикали.

– Что хорошо в шарфе Скандара, – раздался голос позади него, – так это то, что он может его снять. А вот тебе от твоего зазнайства избавиться будет не так-то легко.

Повисла мёртвая тишина, и лицо Эмбер стало красным как помидор.

Бобби же молча пошла дальше, и Скандару ничего не оставалось, кроме как поспешить за ней.

– Зачем ты так?! – простонал он, когда они отошли на порядочное расстояние, где их бы не услышали. – Теперь они тебя возненавидят. И меня заодно! Эта Эмбер явно популярна.

Бобби пожала плечами, изучая в свете огня свои фиолетовые ногти:

– Не люблю популярных людей. Обычно они этого не заслуживают.

Скандар не мог с этим не согласиться: Оуэн однозначно «популярен», но это вовсе не означает, что он добрый, или отзывчивый, или какие там ещё качества обычно хотят видеть в друзьях.

– Но всё равно, спасибо... – начал Скандар, но договорить не успел, потому что в этот момент к костру подошёл уже знакомый мужчина с зажатым под мышкой планшетом и хлопнул в ладоши, призывая к тишине. Его сопровождали двое – полный мужчина и женщина с кудрявыми седыми волосами, серьёзные лица которых были изрезаны морщинами.

– Для тех, кто меня не знает, – заговорил мужчина с планшетом, породив гулкое эхо от стен пещеры, – я Дориан Мэннинг, председатель Инкубатора и глава Серебряного Круга.

– Что такое Серебряный Круг? – громким шёпотом спросила Бобби стоящего рядом островитянина, но тот шикнул на неё.

– Моя основная работа как председателя Инкубатора состоит в том, чтобы следить за проведением инкубаторского экзамена и сопровождать кандидатов до двери Инкубатора и до готовящихся вылупиться яиц – и всё это при поддержке уважаемых членов моей команды. – Он указал на людей справа и слева от себя. – Я также отвечаю за безопасность Инкубатора

на протяжении всего остального года. И разумеется, на нас же возложена благородная и опасная миссия по доставке оставшихся яиц в Пустошь до того, как на закате из них вылупятся дикие единороги. – Он громко шмыгнул носом и выпятил тощую грудь – само олицетворение важности и самодовольства. С каждой секундой он нравился Скандару всё меньше. – Но довольно представлений. Мои искренние поздравления. Отныне вы официально наездники Острова, защитники этой земли и земель, лежащих по другую сторону моря. Где-то в этой пещере каждого из вас ждёт яйцо, появившееся на свет одновременно с вами. Единорог, тринадцать лет ожидающий вашего прихода.

Вызванные этими словами радостные крики быстро стихли под суровым взглядом председателя, лицо которого из-за впалых щёк походило на череп.

– Без наездников – без *вас*, – указал он на них в драматичном жесте, – ваши единороги остались бы неукрошёнными – дикими и опасными для всех нас. И гонки на них – это единственный способ, с помощью которого наши предки на протяжении тысяч лет, направляли их... энергию в полезное русло. Но! – Он поднял палец, его глаза сверкнули, отразив всполохи огня. – Предупреждаю сразу, и это касается всех, не только британцев. Единороги, даже укрощённые, остаются по сути своей кровожадными созданиями со склонностью к насилию и разрушению. Это древние и благородные существа, и они требуют к себе уважения, в том числе и от предназначенных им наездников. А теперь, – он с пафосом хлопнул в ладоши, – к делу!

Председатель и двое его коллег прошли сквозь толпу, похлопывая новых наездников по плечу – судя по всему, без разбора, тех, кто просто попался под руку, – и призывая всех следовать за ними. Бобби получила свою толику внимания от явно взволнованного пухлого мужчины, а Скандар – от самого Дориана Мэннинга. Он встал в пару с мальчиком с прямыми чёрными волосами и в очках в коричневой, на тон светлее его смуглой кожи, оправе. Очки без конца съезжали по переносице, и каждые несколько шагов мальчик с тревогой оборачивался и поправлял их.

– Пошевеливаемся, не задерживаемся! Встаньте вокруг меня, – шёпотом скомандовал председатель, будто громкие звуки могли побудить всех единорогов вылупиться одновременно. – Это первые двенадцать созревших в этом году яиц. Моя команда тщательно заботилась о них с момента их появления в недрах Инкубатора. Каждый год на протяжении всех тринадцати лет их перемещали на один уровень вверх, ближе к поверхности, малыши в них постепенно развивались и росли. И наконец совсем скоро каждый из вас окажется перед своим единорогом. – Председатель взял паузу, чтобы перевести дыхание.

Глаза Скандара изумлённо округлились. Это же каким глубоким был Инкубатор, если у них под ногами находится столько этажей!

Дориан Мэннинг начал инструктаж:

– От вас требуется прижать правую ладонь к верхушке яйца. Если в течение десяти секунд ничего не произойдёт, делайте шаг вправо к следующему.

Скандар пожалел, что не может достать альбом и всё законспектировать – у него всегда были проблемы с запоминанием деталей, – и ему ужасно хотелось уточнить, что подразумевается под «ничего не произойдёт». А что должно произойти? Вдруг он не заметит? Но времени на расспросы им не дали.

– И помните, – продолжил Мэннинг, – когда вы почувствуете, как рог детёныша пронзает вашу ладонь...

Скандар ахнул, и не он один: ни о чём таком в учебниках написано не было. Он думал, что его единорог... ну... вылупится сам по себе, от одного лишь его присутствия рядом.

– ... это будет означать, что процесс начался. Сразу же хватайте яйцо и закройте с ним в одной из ячеек позади вас.

Все юные наездники повернулись в ту сторону: в стене напротив подставок с яйцами были маленькие пещеры с полуоткрытыми дверями, сваренными из металлических прутьев.

Скандар сглотнул. Остальные британцы из его группы тоже выглядели встревоженными, одна девочка с длинными тёмными волосами что-то бормотала себе под нос.

– Ни в коем случае не открывайте двери, пока единорог ещё вылупляется и пока вы не наденете на него уздечку и не пристегнёте к ней чумбур, – прошептал председатель. Всполохи факела придавали его зелёным глазам безумный блеск. – Единороги начинают расти с момента появления на свет. И чего мы точно сегодня не хотим, так это гоняться за маленькими единорогами: я этого не потерплю – все слышали? Даже думать не хочу, какие разрушения они устроят.

Скандар и так уже был в шаге от того, чтобы удариться в панику, а от мрачных предостережений председателя ему стало только хуже. В голове крутились тысячи вопросов. Начать с того, что такое чумбур и где он его возьмёт? Но он едва успел сделать пару успокаивающих вдохов, как Мэннинг спросил:

– Готовы? Опустите ладони по моему сигналу.

И Скандар, заняв позицию, уставился на гигантское яйцо перед собой.

Глава шестая. Удача негодяя

В голове Скандара скакали обрывки указаний председателя: «Десять секунд... Хватай яйцо... Проткнёт рогом...» У него пойдёт кровь? Будет очень больно?

Его не на шутку замутило.

– Ладони... вниз! – прошипел Мэннинг.

Новые наездники опустили руки на стоящие перед ними белые яйца. Скорлупа на ощупь оказалась теплее, чем Скандар ожидал, и очень гладкой. Он заставил себя не закрывать глаза, хотя было страшно ждать, что его ладонь проткнёт рог единорога. Восторг и предвкушение боролись внутри него со страхом, он чувствовал, как на шее пульсирует вена. Он ждал. И ждал. Но яйцо не пошевелилось.

– Шаг назад, – приказал председатель. – В первой попытке ни одного? Обычное дело, сплошь да рядом. Вы ведь должны найти именно ваше яйцо, а вас в этом году всего сорок три, тогда как готовых вылупиться яиц больше полусотни. – Он вздохнул. – Вполне вероятно, что ваш единорог окажется в самом последнем яйце. Терпение, и ещё раз терпение, – призвал он, хотя, на взгляд Скандара, ему самому, судя по тону, его не хватало.

Они все сместились вправо – каждый к следующему яйцу.

– Ладони... вниз!

Теперь, зная, что выбор яйца отдан на волю судьбе и от него самого ничего не зависит, Скандар почувствовал себя спокойнее. Три секунды спустя через два яйца от него кто-то вскрикнул. Несколько наездников, включая Скандара, повернулись на голос, и он узнал мальчика по имени Зак: видел, как тот открывал дверь.

– Ни при каких обстоятельствах не отнимайте ладони от яиц! – предупредил председатель. – Если вы пропустите своё яйцо, мне придётся пройти с вами по кругу ещё раз, и мы застрянем здесь до следующего лета! А у меня нет на это времени!

Держа голову прямо, Скандар всё же краем глаза наблюдал, как Зак поднимает яйцо из подставки. Тёмно-коричневый лоб бедняги блестел от пота. Судя по настойчивому треску, его единорог уже рвётся наружу. Затем Зак, сгибаясь под тяжестью яйца, вышел из поля зрения Скандара, и вскоре он услышал грохот закрывшейся решётчатой двери одной из ячеек.

– Один есть, – пробормотал председатель.

Они снова сместились, затем ещё раз. В итоге трое наездников нашли своих единорогов в первых двенадцати яйцах. Их группа перешла к следующей дюжине яиц дальше в глубь пещеры. Скандар оказался рядом с юной британкой с тёмными глазами – кажется, её зовут Сарика, – когда скорлупу яйца под её ладонью прошил рог. Она даже не вскрикнула и молча унесла его в ячейку, хотя Скандар видел, как с её руки капала кровь.

К третьей партии яиц их осталось всего четверо, включая Скандара и черноволосого мальчика в очках. Скандар уже потерял всякое терпение, а с ним и страх. Теперь, прижимая ладонь к твёрдой скорлупе, он хотел лишь одного: ощутить острую колющую боль.

– Какой-то не очень эффективный способ поиска своего единорога, – пробормотал черноволосый мальчик через некоторое время, сменив уже несколько яиц.

Скандар шагнул ко второму яйцу в ряду из двенадцати. Третье и четвёртое уже покинули свои бронзовые подставки.

– Ладони... вниз! – скомандовал за его спиной председатель.

Через три удара сердца под рукой Скандара раздался громкий треск, и его правую ладонь пронзила ослепляющая боль. Действуя словно на автопилоте, хотя из руки капала кровь, он поднял из бронзовой подставки яйцо. Прижав его к груди для равновесия, Скандар, пошатываясь, понёс свой ценный груз к ячейке у себя за спиной. По поверхности яйца, как по льду

замёрзшего озера, прямо на глазах разбегались трещины. У самой двери отвалившийся кусок скорлупы упал на пол. Скандар захлопнул за собой решётчатую створку.

Ячейку освещал одинокий настенный факел, отбрасывающий всполохи на шаткий железный стул с висящей на спинке верёвкой. Внезапно у Скандара земля ушла из-под ног. Он должен помочь появиться на свет единорогу! Как он справится с такой огромной ответственностью? А вдруг он сделает что-то не то?

Яйцо подрагивало в руках, и на белой скорлупе оставались кровавые отпечатки его ладоней. Он не сможет долго удерживать его на весу, но класть его на холодный каменный пол казалось неправильным. Вот только здесь не было ничего мягкого, разве что... Он опустил взгляд на себя. Его худи.

Скандар осторожно сел на пол, скрестил ноги и положил на них яйцо, радуясь, что острый рог успел снова скрыться внутри. Сбросив с плеч рюкзак, он стянул с себя худи и, придерживая яйцо одной рукой, второй соорудил из кофты подобие гнезда. Затем для надёжности обмотал его по краю маминым шарфом и поместил яйцо в центр. От мысли, как бы она сейчас им гордилась, его губы сами собой растянулись в улыбке. «Я обещаю, что у тебя будет единорог, малыш», – прошептала она ему в младенчестве, если папа не обманывает, и вот он здесь, смотрит, как вылупляется его единорог!

Скандар вздохнул с облегчением: из-за адреналина в крови яйцо не казалось таким уж тяжёлым, но теперь он ясно чувствовал боль в натруженных мышцах рук.

Практически вибрируя от возбуждения, он не смел отвести от яйца глаз. Ему до сих пор не верилось, что он действительно здесь и через считанные секунды встретится с предназначенным ему...

Вдруг яйцо замерло.

«Без паники», – подумал Скандар, запаниковав. Чтобы отвлечься, он посмотрел на висящую на спинке стула конструкцию – должно быть, это и есть те самые упомянутые председателем уздечка и чумбур, соединённые металлической пряжкой.

Он бросил обеспокоенный взгляд на яйцо. Оно подрагивало, но лишь слегка. Время от времени отвалившийся осколок скорлупы падал на худи или ударялся о каменный пол, заставляя Скандара вздрагивать. Из соседних ячеек доносились непонятные звуки, и никто не спешил озвучивать из пещеры пошаговые инструкции. Скандар рассеянно взялся за пряжку чумбура – и зашипел от боли, когда холодный металл коснулся раны на ладони.

Впервые с момента захода в ячейку он взглянул на свою руку. Рана больше не кровоточила, но приобрела пугающий тёмно-красный оттенок. Скандар бросился к факелу на стене, и в его свете стали видны пять линий, медленно вытягивающиеся из раны в центре ладони к основанию пальцев.

Он всегда думал, что у наездников на ладонях особые татуировки. Более того, Скандар готов поклясться, что где-то об этом читал. Именно по ней он ещё дома, в Маргейте, узнал в Агате наездницу. Но это оказалась вовсе не татуировка, а рана. И она болела – причём сильно.

Яйцо застыло в неподвижности. Скандар не знал, как ему помочь и нужно ли это делать. Курицы помогают своим цыплятам вылупляться? Насколько он знает, они их лишь высиживают, а пробовать это с яйцом единорога казалось неразумным, учитывая его острый рог. К тому же единороги – это вам не какие-то цыплята, они... ну... единороги.

Вздыхнув, он опустился на колени перед яйцом и тихо спросил:

– Как насчёт того, чтобы выбраться оттуда? Потому что мне бы этого очень хотелось: здесь довольно жутко и темно, и я совсем один, и... – Он осёкся, почувствовав себя глупо. Говорить с яйцом в каком-то смысле было почти то же самое, что беседовать с завтраком.

Послышался тихий визг. Скандар завертел головой по сторонам, но когда звук повторился, сообразил, что он доносится из яйца, и сместился ближе. Удивительно, но его слова, похоже, возымели эффект.

Скандар сделал глубокий вдох:

– Слушай, я хочу с тобой познакомиться. Очень хочу. Мы будем партнёрами, ты и я. Тебе, возможно, придётся недолго за мной приглядывать, потому что... ну... я не местный, а ты отсюда...

Яйцо опять взвизгнуло, и мимо левого уха Скандара просвистел большой осколок скорлупы.

– Хотя это, скорее всего, будет меньшая из наших проблем. – Скандар понимал: он говорит первое, что приходит в голову – но какое это имеет значение, когда скорлупа раскалывается прямо у него на глазах. – Я ведь даже не сдавал инкубаторский экзамен – только ты никому не говори, ладно? – Но кое-кто помог мне добраться сюда. А вдруг это выяснится? Одна девочка, Бобби, уже что-то подозревает. А ещё этот ужасный Ткач, но, наверное, стоит подождать, когда ты чуть подрастёшь, прежде чем тебе об этом рассказывать. В общем, я думаю, что ты будешь нужен мне, а я буду нужен тебе.

Визг, нечто среднее между лошадиным ржанием, орлиным криком и человеческим воплем, уже не затихал ни на секунду. Рог единорога снова прошил скорлупу, чёрный, как оникс, такой же блестящий и – как Скандару уже известно на собственном опыте – очень острый. Он покачался из стороны в сторону, расширяя отверстие, раздался громкий треск, и верхушка яйца отвалилась. Скандар подхватил скользкие крупные осколки и, отбросив их в сторону, снова наклонился к яйцу – и в этот момент остатки скорлупы с хрустом распались на две половинки.

Единорог лежал на животе, раскинув ноги по каменному полу, его бока быстро вздымались и опадали, нежная чёрная шкура блестела от пота и слизи. Пряди угольной гривы после всех его попыток вырваться на волю сваялись. Глаза его ещё были закрыты, но пока Скандар в немом восхищении смотрел на него, с единорогом начало происходить что-то странное. По его маленьким чёрным крыльям побежали электрические разряды, пол задрожал, ячейку залило белым светом, и вокруг единорога за клубился туман, скрыв его из виду...

Скандар, вскрикнув, отпрыгнул. Всепоглощающая радость от первой встречи с его единорогом сменилась страхом: все его четыре копыта были объаты огнём – они просто взяли и загорелись. Скандар бросился к нему, чтобы потушить пламя. Так и должно было быть? Или это только ему посчастливилось стать партнёром самовозгорающемуся единорогу? Но едва он потянул за край кофты, как единорог открыл глаза.

В ту секунду, когда Скандар заглянул в его тёмные зрачки, он ощутил, как в груди словно надулся воздушный шар из чистого счастья – и одновременно с этим правую руку прошила острая боль, заставив его перевести взгляд на ладонь. Подняв её к лицу, он в тусклом свете факела увидел, что рана заживает. Но в то же время исходящие от неё линии быстро удлиняются и уже достигли кончиков пальцев. А тем временем в центре чёрного лба единорога сама собой возникла вертикальная белая полоса. И она не сформировалась, а рана на ладони Скандара окончательно не затянулась, они с единорогом больше не нарушали зрительного контакта.

– Спасибо, – растерянно произнёс Скандар – и в тот же миг электрические разряды, дрожь, свет, туман и пламя – всё исчезло, будто кто-то щёлкнул переключателем.

Мальчик и единорог продолжали смотреть друг на друга. Скандар читал о возникающей между наездником и единорогом связи, но не предполагал, что на самом деле почувствует это натяжение в груди, будто из его сердца куда-то наружу протянулась невидимая нить. И он был совершенно уверен, что, проследив за этой нитью, на другом её конце найдёт сердце этого маленького чёрного единорога.

Именно тот и нарушил этот трогательный момент, тихо заревев, но Скандар почему-то совсем не испугался. Их связь подарила ему ощущение безопасности, подобного которому он никогда в жизни не испытывал, словно ему открылась дверь в самую уютную комнату на свете, и он мог закрыться в ней от всех и сидеть у горящего камина сколько его душе угодно. Ему

хотелось кричать. Пуститься в пляс по ячейке. Даже петь. А ещё реветь, как его единорог, как раз пытающийся встать на дрожащие ноги.

Скандар в тревоге попятился:

– Ты уверен, что готов...

Но единорог – *его* единорог – уже поднялся и, спотыкаясь, зашагал к нему. Скандар был готов поклясться, что тот уже успел подрасти и теперь стал ему почти по пояс. Что, впрочем, логично: надо же навёрстывать упущенное за тринадцать лет, проведённых в тесноте яйца. Единорог на подкашивающихся ногах добрёл до Скандара и, нацелив рог ему точно в бедро, визгливо заржал.

– Я не понимаю, чего ты... – начал Скандар, но затем его взгляд упал на рюкзак.

Следя за единорогом, он расстегнул передний карман, куда ещё дома сунул пакетик «мармеладных младенцев» из тайника Кенны – на случай, если проголодается в дороге. Затянувшаяся ранка на ладони всё ещё ныла, и с упаковкой пришлось повозиться, прежде чем ему удалось её вскрыть. Единорог шагнул к нему и снова взвизгнул.

– Ладно, держи, – выдохнул Скандар и протянул ему на левой, здоровой руке красного «младенца».

Единорог понюхал его, раздувая ноздри, и подхватил угощение губами. Звуки, с которыми он его жевал, признаться, слегка пугали. Будто он ел не *что*-то, а *кого*-то. Сопровождалось это довольным рычанием, и Скандар, высыпав на пол ещё несколько мармеладок и сев на стул, принялся рассматривать своего напарника.

Тот был целиком чёрной масти, не считая белой полосы между глаз, тянущейся от рога и до самого носа.

Скандар был совершенно уверен – ещё и потому, что однажды целую неделю изучал взятую в библиотеке книгу о масти единорогов, – что ни разу не видел единорога с такой полосой. Но почему-то эта отметина казалась ему знакомой.

Покончив с «мармеладными младенцами», единорог снова направился к Скандару, с каждым шагом ступая всё увереннее. В памяти вспыхнули слова председателя: «Единороги, даже укрощённые, остаются по сути своей кровожадными созданиями со склонностью к насилию и разрушению». Дома, в Великобритании, Скандар сейчас бы обдумывал каждое совершаемое им действие, спросил бы совета у сестры или, как вариант, искал бы ответы в книгах. Но теперь он наездник и, вероятно, впервые в жизни гордился собой. А наездники по долгу службы обязаны быть храбрыми, в конце-то концов!

Поэтому Скандар протянул руку и погладил единорога по шее – и стоило ему коснуться его шерсти, как произошло нечто удивительное: он откуда-то узнал, что его единорог – мальчик, а зовут его Удача Негодяя. Скандар улыбнулся: это имя очень шло маленькому единорогу и к тому же звучало в духе участников Кубка Хаоса. Подходящее имя для будущего чемпиона.

Скандар продолжал гладить единорога, и тот тихо заржал, почти как обычный жеребёнок.

– Приятно с тобой познакомиться, Удача Негодяя, – сказал он и усмехнулся. – Как насчёт просто Негодяй для краткости?

Единорог издал горловое рычание. Скандар осторожно скормил ему с ладони ещё одну мармеладку, а другой рукой тем временем надел ему на голову уздечку и, продев её под рогом, защёлкнул на ней веревку-чумбур.

Воздух расрёк душераздирающий человеческий вопль. В ответ Негодяй завизжал – прямо в ухо Скандару, что никак не способствовало спокойствию напарника, – и неуклюже запрыгал по ячейке.

Новый крик заставил Скандара взять себя в руки и мягко потянуть Негодяя за чумбур к двери. Толкнув решётку, он вышел в пещеру и, сориентировавшись, откуда доносятся крики, подошёл к ячейке через две двери дальше от его.

– Эй? – позвал он слегка дрожащим голосом. – Вы ранены? Вам нужна помощь?

Внутри было трое ребят с тремя единорогами. Черноволосый мальчик в очках крепко держал за верёвку красного как кровь единорога. Скандар увидел Бобби, её единорог был светло-серой масти. Третьей наездницей оказалась девочка с облаком мелких чёрных кудряшек, загнанная в угол блестящим серебряным единорогом. Она прятала лицо в ладонях и всхлипывала между криками.

– Вам нужна помощь? – немного громче повторил Скандар, потому что глаза остальных были прикованы к серебряному единорогу.

Мальчик в очках наконец повернулся и, разинув рот, уставился на Негодяя.

– Теперь, кажется, да, – выдохнул он.

В этот миг девочка в углу посмотрела на них, указала на единорога Скандара и завизжала ещё громче прежнего.

Глава седьмая. Элемент смерти

Скандар решился сделать ещё шаг в глубь ячейки. Девочка в углу не умолкала, и все четыре единорога вторили её крикам. Черноволосый мальчик не шевелился и продолжал с открытым ртом глазеть на Негодяя, а Бобби старалась утихомирить своего серого единорога, красные глаза которого закатились так, что видно было только белки.

От такой реакции на его появление Скандар вконец растерялся. Обычно на него не обращали внимания.

– Ты можешь хотя бы на минутку заткнуться? – рявкнула Бобби на кричащую девочку. – У меня сейчас барабанные перепонки лопнут! – Проследив за её испуганным взглядом, она вздохнула. – Это всего лишь Скандар. Согласна, лучше быть слоном с диареей, чем носить такое имя, но это не делает его *страшным*.

– Ну спасибо! – возмутился Скандар. – Представила так представила.

Бобби пожала плечами.

– Пожалу...

– Тихо, вы оба! – прошипел мальчик с красным единорогом. – Фло указывает не на него.

Она указывает на его единорога.

Бобби нахмурилась:

– Кто это – Фло?

– Она Фло. – Мальчик нетерпеливо махнул рукой на девочку в углу. – А я Митчелл. Но нам сейчас немного не до вежливых расшаркиваний! У нас тут нелегальный единорог, а это значит, что он, – Митчелл ткнул пальцем в Скандара, – нелегальный наездник!

Для Скандара эти слова прозвучали как гром среди ясного неба, и он даже обернулся, желая удостовериться, что позади него нет другого наездника с единорогом.

Митчелл дико замахал руками, вне себя от их бездействия. Его недавно появившийся на свет единорог натянул чумбур, пытаясь покинуть зону поражения.

– Это не простая отметина! Она указывает на то, что единорог принадлежит к *пятому элементу*! – Последние слова Митчелл произнёс шёпотом.

Бобби сердито прищурилась:

– Может, мы не местные, *Митч*, но даже нам известно, что элементов *четыре*, а не пять. Все это знают.

Но Митчелл её не слушал, его взгляд метался между Скандаром и Негодеем, словно он прикидывал свои шансы на побег.

– Официально элементов четыре, ты права, – тихо заговорила Фло, нарушив напряжённую тишину. Она смотрела на Негодяя всё ещё с ужасом, но хотя бы перестала кричать.

Бобби вскинула подбородок и высокомерно посмотрела на Митчелла:

– Я же сказала.

Он зажмурился и что-то невнятно пробормотал.

– Но их было пять. Пятый элемент *правда* существует, – немного увереннее продолжила Фло. – Хотя нам нельзя об этом говорить. В смысле наездникам и вообще всем на Острове. У вас о нём никто не знает, его запретили до подписания Договора и...

– Как он называется? – Глаза Бобби засверкали в предвкушении тайны.

Фло нервно посмотрела по сторонам, будто опасалась, что их могут подслушивать, и едва слышно прошептала:

– Дух.

– Огонь и пламя! – зашипел на неё Митчелл. – Ты с ума сошла – произносить это вслух?! Здесь – в самом священном месте на всём Острове! Нужно что-то делать, нужно рассказать стражу о нём и об этом... *существо*! – Он указал пальцем на Скандара и Негодяя.

Скандар не знал, кто такие стражи, но это знание могло подождать, да и всё это тыканье ему порядком надоело. Он кашлянул:

– Раз никому помощь не нужна, я вернусь в свою ячейку.

– С таким ты далеко не уйдёшь, – шёпотом выпалила Фло. – Вас обоих убьют. – Она указала на Негодяя, пытающегося укунить Скандара за пятку кроссовки.

– Ты о чём? – потряс головой Скандар. – Он родился всего каких-то семь минут назад! Что плохого, по-вашему, он успел натворить? Ладно я, – добавил он, старательно не глядя на Бобби, – но уж точно не он. Удача Негодяя ещё совсем ребёнок. Только посмотрите на него.

Негодяй тем временем переключился на пляшущие по стене тени от факела и, не считав, стукнулся челюстью о камень.

– У. Него. На. Голове. Отметина. Элемента. Духа! – взорвался Митчелл.

– Чего-чего? Что такое «отметина элемента духа»? – спросили хором Бобби и Скандар.

– Эта белая полоса, – простонал Митчелл и для пущей убедительности практически ткнул пальцем в голову Негодяя так, что тот его чуть не цапнул. – Это знак, что вы двое принадлежите к элементу духа. Посмотрите на Серебряного Клинка – у него такой отметины нет, – указал он на серебряного единорога. – Как и на Очаровании Красной Ночи. – Он перевёл палец на собственного единорога кровавой масти. – И на этом сером тоже.

– Её зовут Соколиная Ярость, – раздражённо уточнила Бобби. – Сам ты серый.

Фло скрестила руки на груди и повернулась к Митчеллу:

– Необязательно. Это может быть обычная отметина. – Она махнула на Скандара. – Он может принадлежать к совершенно другой стихии, а вовсе не духа.

– Обычная отметина?! – гневно повторил Митчелл. – Ты готова рискнуть безопасностью всего Острова из-за одного шанса на миллион, что это «обычная отметина»?

По лицу Фло скользнуло сомнение, но руки она не опустила.

– Забыла, что случилось на Кубке Хаоса на прошлой неделе? – продолжил Митчелл. – Или я один видел, как Ткач ворвался на Арену на диком единороге и ПОХИТИЛ САМОГО МОГУЩЕСТВЕННОГО ЕДИНОРОГА В МИРЕ?!

– Какое отношение к Ткачу имеет отметина на голове Негодяя? – медленно спросил Скандар. – Как это связано с исчезновением Мороза Новой Эры?

– Гром и молнии! – воскликнул Митчелл. – Чему вас только учат в вашей стране! Вы что, не *видели* Ткача на Кубке Хаоса?!

Скандар вспомнил, как они с Кенной и папой стояли перед телевизором и лицо Ткача появилось на экране.

– Белая полоса, – пробормотал он.

– Это знак Ткача, – подтвердила Фло. – Ткач – духовный маг.

– Так что плохого в элементе духа? – недовольно насупилась Бобби.

– Ткач пользуется им, чтобы убивать! – Лицо Митчелла исказилось от возмущения. – Тебе этого мало? Единороги, наездники – ему всё равно, кто встанет у него на пути!

– Не может быть, – фыркнула Бобби. – Чтобы наездник – да вообще кто угодно – убил единорога? Даже этому Ткачу... кем или чем бы он ни был... это не по силам.

Скандар закивал:

– Вот именно! Нам рассказывали об этом на подготовке к экзамену. Потому вам и нужны наездники из Великобритании, что диких единорогов невозможно убить. Как и укротить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.